

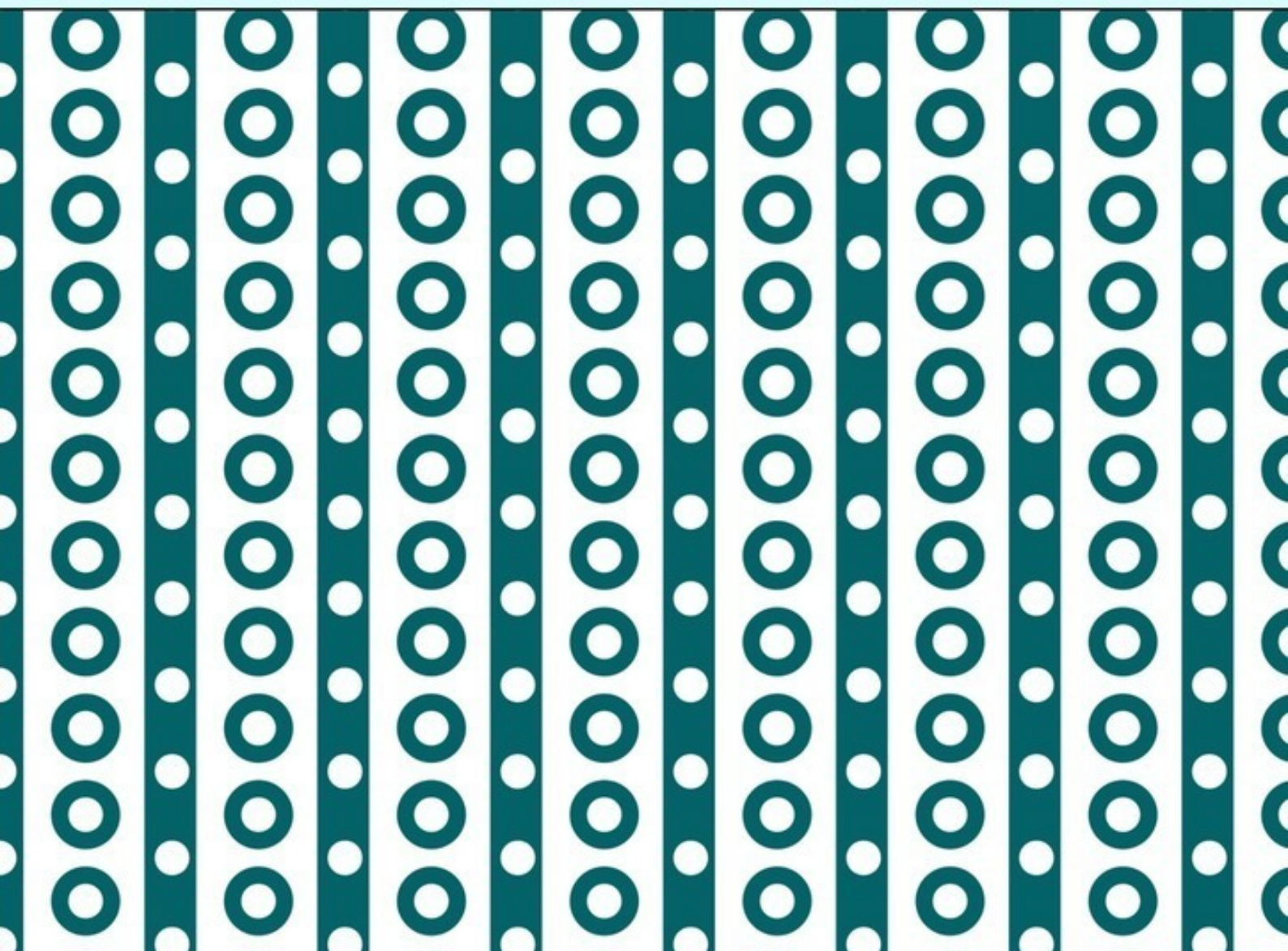
Александр Беляев

---

# *Два зеркала*

---

Хроники затомиса



Александр Беляев

**Два зеркала. Хроники затомиса**

«Издательские решения»

**Беляев А.**

Два зеркала. Хроники затомиса / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835275-1

Брат устраивает главную героиню в закрытую лабораторию в качестве экстрасенса, где с ней происходят таинственные происшествия.

ISBN 978-5-44-835275-1

© Беляев А.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ГЛАВА 1. Пересечение              | 6  |
| ГЛАВА 2. Другое отражение         | 25 |
| ГЛАВА 3. Отдел кадров             | 30 |
| ГЛАВА 4. Поисковый отдел          | 40 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 53 |

**Два зеркала**  
**Хроники затамиса**  
**Александр Беяев**

© Александр Беяев, 2016

ISBN 978-5-4483-5275-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## ГЛАВА 1. Пересечение

Андрей стоял напротив большого старинного зеркала в палисандровом багете (мама утверждала, что это зеркало работы знаменитого французского краснодеревщика Буля, жившего в 18 веке – поставщика мебели двора его величества... в общем, кого-то из Людовиков) и рассматривал свое лицо и фигуру. Вообще-то раньше он не страдал приступами нарциссизма, оглядывая себя мельком и по делу, но сегодня он изучал свою внешность именно в подробностях, поскольку развитие его отношений с Лианой (во что они выльются пока было не ясно, но Андрей уже чувствовал, что так просто, ничем, они не могут закончиться) пробудили в нем качества, ранее ему не свойственные, в частности – интерес к своей внешности. Андрей долго рассматривал свое лицо, затем снял майку и, поворачиваясь то так, то эдак начал изучать торс.

– Да, не Шварценеггер, – констатировал молодой человек (он был высок и худощав), – однако у йогов и не бывает гипертрофированной мускулатуры, для йоги как раз наоборот оптимальны сухощавость и гибкость...

В этот момент с ним что-то случилось и на секунду он испытал что-то вроде раздвоения, словно бы в него внезапно внедрилась другая личность.

.....  
Сознание Ани включилось моментально, словно щелкнули выключателем.

– Что это было со мной, – подумала девушка, – словно бы провалилась куда-то. Ах да, я же сознание потеряла! Надо впредь быть осторожнее с измененными состояниями сознания и все манипуляции производить сидя, если лежа не получается, а то грохнешься так, ударишься головой обо что-нибудь! Кстати, а сейчас-то я стою! Странно, вроде бы сознание теряла, а осталась на ногах стоять.

В этот момент (как ей показалось) Аня открыла глаза и увидела в зеркале молодого человека, которого видела буквально несколько секунд назад... или минут... не понятно откуда, но у нее держалось такое чувство, словно она достаточно долго была без сознания, а вышло, что она даже упасть не успела. Кстати, изображение в зеркале тоже несколько изменилось. Теперь красивый высокий юноша, которого она уже окрестила Андреем Даниловым, был раздет по пояс и явно себя рассматривал, поворачиваясь то в фаз, то в профиль, при этом Аня не чувствовала, что поворачивается сама, точнее, приказаний на этот счет своему телу не давала, а непосредственно перед этим изображение в зеркале точно повторяло ее движения, хоть и в облике молодого человека. Тут только Аня обратила внимание, что в зеркале, помимо статной худощавой фигуры, отражается и комната, но комната эта – не ее. А ведь буквально только что, до отключения – это ведь была ее комната, в которую непонятным образом попало отражение молодого человека. Теперь же это была совершенно незнакомая обстановка. Что-то смутно подозревая, Аня захотела посмотреть на себя, и поняла, что не может этого сделать, поскольку тело ее (и глаза) ведут совершенно самостоятельный образ жизни, рассматривая отражение в зеркале и совершая плавные повороты направо и налево (что

Собственно и показывало зеркало), хотя совсем только что сознание Ани активно участвовало в этом процессе. Тем временем не слушающееся ее приказов тело окончило себя разглядывать и вдруг произнесло незнакомым низким голосом молодого человека:

– Не Шварценеггер, конечно, и Анатолий, если не дай Бог что-то узнает, меня запросто соплей перешибет. Да, здоровенный мужик, однако Лиана утверждает, что испытывает к нему как бы даже отвращение! Значит ей амбалы не нравятся, ведь вышла она за него не по любви, а нравятся такие, как я – худые, стройные и... молодые! Нет, нет, что это я! Еще абсолютно ничего не ясно, чего это я о себе возомнил! Просто у женщины, у которой сложные отношения с мужем произошел произвольный порыв – отсюда и наши поцелуи на кухне. Она, похоже потом сама испугалась, и вообще говорила, что у нее почитателей пруд пруди... правда, не верю

я, что она со всеми взапрос целуется, не может такого быть! И ясно, что я ее не своей внешностью заинтересовал, а тем другим, метафизическим, в чем мы с ней оказались близки! Так что – хорош красоваться, не этим ты ее привлек!

Тут глаза Ани сами собой сместились вниз, явно желая увидеть саму себя, три этом, именно в данный момент она им этого распоряжения не давала, и девушка увидела, что она теперь вовсе и не девушка, а тот самый худощавый молодой человек, которого она только что наблюдала в зеркале и к которому (она вынуждена была в этом себе признаться) испытала то, чего доселе не испытывала ни к одному мужчине (включая и Виктора) – выраженное чувство влечения, особенно когда увидела его по пояс раздетым. Вот уж воистину, она ожидала чего угодно, но только не этого: вдруг оказаться в чужом теле, к тому же противоположного пола, и быть при этом чем-то вроде бактерии или вируса, о существовании которого человек – его носитель, пока не заболел, даже и не догадывается. Андрей же, судя по всему, о присутствии в себе чужого сознания даже не подозревал.

– Надо как-то дать о себе знать, – подумала девушка в смятении, – правда, – припомнила она, – мое сознание уже однажды обитало в другом теле, но не чужом, а моем собственном, только два года спустя – это когда я в будущее в своем шельте путешествовала. Но тогда была несколько иная ситуация: та, будущая Аня так же меня не ощущала и не догадывалась о моем присутствии, зато я ее чувствовала, читала ее мысли и вообще имела полный доступ к ее сознанию, правда подействовать на него не могла – такой вот полупроводник. А теперь и он меня не ощущает, и я его мыслей не читаю, только голос слышу, причем его же ушами. Нет, уж раз меня сюда закинуло, и Бог знает, на сколько времени, надо попытаться с ним все же в контакт вступить. Вот только как?

Поначалу Аня ничего другого не придумала, как только звать Андрея по имени, но это не возымело никакого результата, Андрей явно ее не слышал, он к тому времени закончил свое нарциссическое дифиле перед зеркалом и улегся на диван, бормоча себе под нос:

– Не дождешься, милая, ты упрямая, я – тоже, посмотрим у кого раньше нервы сдадут.

Затем взял с тумбочки книжку и углубился в чтение. Книжка оказалась пособием по японскому массажу Шиатсу, массажиста Намикоши – тема для Ани абсолютно новая, и нельзя сказать, что каким-то образом ее интересующая, тем не менее, поскольку она наблюдала мир глазами Андрея, к тому же никаким образом не могла повлиять на его действия, поэтому ей пришлось достаточно долго безо всякого желания с ее стороны, постигать премудрости восточной акупрессуры. Поскольку с медицинской литературой она доселе не сталкивалась и не понимала больше половины терминов (а тут ко всему прочему было немало и чисто специфических названий, принятых в науке иглоукалывания и точечного массажа), то нельзя сказать, что чтение было для нее очень увлекательным. Впрочем вскоре она стала отвлекаться от этого мало интересного занятия, поскольку услышала, что в квартире есть кто-то еще. Этот кто-то, как подсказывало Анино чутье, была молодая женщина, скорее всего жена или сожительница Андрея, и это подтверждали ее характерные шаги. Затем раздались звуки, которые могли относиться к процессу расстилания постели, и невнятное бормотание, напоминающее разговор с самим собой, а так же всхлипывание, из чего Аня сделала вывод, что между обитателями квартиры произошла размолвка, если не скандал. Судя по тому, что Андрей лежал на непостеленном диване, не сняв треников и футболки, а стенные часы показывали полвторого ночи, было видно, что это некая демонстрация, и он сегодня не намерен делить ложе со второй обительницей квартиры. Своеобразно было и настроение нашего героя, внутри которого непонятным образом оказалось Анино сознание. Несмотря на то, что доступа к разуму и мыслям Андрея Аня не имела, она видела его глазами, слышала его ушами, и какие-то эмоции, судя по всему кипящие в душе молодого человека, все же, хоть и в ослабленном виде, она воспринимала. Чувства эти были сумбурны и противоречивы. С одной стороны молодой человек испытывал целую гамму радостных эмоций, отражающих воодушевле-

ние, светлую надежду, восторженность и экзальтацию но с другой стороны его явно мучили угрызения совести, чувство сожаления, жалости и предчувствие грядущей потери и значительных перемен в жизни, к которым он был явно не готов. Отдельно Аня бы выделила сложную гамму сексуальных ощущений, и о том, что они сексуальные, сознанию Ани, которая в свои 19 лет была абсолютно индифферентна к мужчинам (как, впрочем, и к женщинам) подсказывали чувства мужского тела, в котором она невероятным образом оказалась. Тут была и сдерживаемая страсть, но явно не к той, которая тревожно ворочалась на кровати в соседней комнате, и, напротив – пресыщенное равнодушие и даже некоторая телесная неприязнь, но уже как раз к той, что лежала и явно мучилась близости.

– Все ясно, – подумала Аня, – у этого Андрея намечается бурный роман и, судя по всему, он находится на стадии неизвестности, надежды и томления. А та, что за стенкой, похоже, жена, причем, постылая, хоть отчетливо прослеживается привязанность и привычка, и все это ему жалко терять. Андрей явно находится меж двух стульев и сильно страдает от этой неопределенности и двойственности. Тем не менее, на фоне неуверенности уже созрело волевое решение, которое так или иначе будет принято, и отнюдь не в пользу приевшейся и раздражающей жены, причем, жены, похоже, любящей и мучающейся от недостатка тепла и внимания.

Аня попыталась почувствовать, а еще лучше увидеть на ментале новый объект страстных чувств Андрея. Увидеть этот объект ей не удалось, но она поняла, что эта женщина психологически уже полностью подчинила Андрея, причем явно угадывалась угроза от всей этой ситуации, правда, что за угроза, оставалось неясно. Не было чувства, что та, другая, какая-то злодейка или хищница, нет, в ней ощущалось немало хорошего и достойного, однако присутствовала и некая неведомая эманация, за которую, не понимая ее истинной природы, таких женщин именуют роковыми. Больше ничего из сознания Андрея и Вселенского банка информации выловить не удалось и у Ани так и не возникло цельного представления о новом страстном увлечении Андрея, да и имени ее вслух он не назвал.

К тому времени, когда Аня более-менее разобралась в сложных хитросплетениях чувств Андрея, молодой человек уже притомился от чтения скучного текста (хотя, разумеется, ему гораздо более понятного, чем Ане), и девушка констатировала, что глаза его сами собой все чаще и чаще закрываются, хоть он и продолжал упорно вчитываться в расплывающиеся слова. Тут Аня уловила чувство, объясняющее, почему Андрей, явно засыпая, продолжал упорно штудировать скучную книжицу, которую он мог бы с тем же успехом почитать и завтра. Дело в том, что он все с большим и большим раздражением и напряжением ожидал, что та, за дверью, не выдержит характера и зайдет к нему. И уже не важно, будет ли она каяться и за что-то просить прощения или продолжит выяснение отношений, которые Андрей как бы даже и не прочь был продолжить. Аня к тому же и улавливала сильное желание Андрея выйти в соседнюю комнату, чтобы вернуться к супружеским разборкам, однако понимал, что тем самым распишется в своей слабости и моральном поражении. Но сегодня, похоже, нашла коса на камень и никто так и не сделал первого шага навстречу к величайшему раздражению Андрея, который никак не ожидал, что его слабохарактерная жена сегодня проявит упорство и не придет первая мириться, что в предыдущих разборках всегда заканчивалось супружеским примирительным сексом.

Тут Аня подумала, что никак не хотела бы стать свидетельницей, а вернее чуть ли не участницей этого интимного процесса.

– Мне еще только шведской тройки не хватало, – подумала она раздраженно, – я ведь тут совершенно не причем и даже не знаю, что такое обычный, пристойный секс! А тут – с места в карьер: то ли секс втроем, то ли я оказываюсь в качестве мужчины, ведь если я воспринимаю его чувства и эмоции, то сексуальные ощущения – тем более должна воспринимать! Конечно, интересно, что чувствуют мужчины, но я ведь в свои 19 лет до сих пор не знаю, что чувствуют женщины.

Однако обиженная супруга так и не пришла, так что Аня напрасно мучилась нравственными императивами: Андрей все же выдержал характер и через неопределенное время вынужден был констатировать, что из соседней комнаты раздается мерное сопение уснувшей супруги. Убедившись, что благоверная сегодня не придет, Андрей тоже начал засыпать, затем, в какой-то момент проснувшись, выключил настольную лампу и вытянулся на не очень удобном диване.

Аня погрузилась во мрак, хоть и не имела ни малейших признаков сонливости, однако была вынуждена мириться с тем, что Андрей лишил ее возможности видеть окружающее. И тут, в темноте, что-то начало происходить, словно бы где-то рядом разряжались невидимые конденсаторы, либо что-то неведомое проносилось мимо. До Ани стали доноситься какие-то мысленные формулировки, хотя до сей поры мыслей Андрея она не слышала, а тут вдруг словно бы кто-то незримый забормотал невнятицу рядом с Аниным ухом, при этом невозможно было разобрать отдельных слов и фраз, что, как она поняла, являлось обычными признаками засыпания, как это происходило и у нее, когда в сознании словно бы кто-то начинал произносить фразы, которых она и не собиралась произносить. Вскоре невнятное бормотание переросло во вполне различимые формулировки, правда какого-то смысла Аня в них не улавливала и ей запомнились только две фразы, правда тоже достаточно нелепые. «Где эти кометы и царские ключи?» а также «Появился гор лисы, все яйца она доедала, а одно не доела». Тут она увидела, что в полной темноте начинает проступать что-то вроде темной глухой стены, с отчетливыми швами плит и низкой дверцей с тускло мерцающей ручкой. Неожиданно дверца стала открываться назад, и в проеме, словно бы освещенном серебристым лунным светом, появилась темная высокая фигура, в которой Аня узнала Андрея таким, каким не раз видела его во сне: черные кожаные облегающие штаны, высокие сапоги-ботфорты, белая сорочка с маленьким воротником и широкими рукавами, драгоценная шпага у пояса... в общем – средневековый принц, путешествующий инкогнито. Именно такой, какого она воображала в девичьих грезах, ее загадочный Единственный, что однажды приедет к ней на коне по имени Белый Гром и увезет из серой обыденности в свой Блистающий мир (а это уже из Грина). Этот образ, пожалуй, был единственным мостиком, соединяющим ее скучноватую, без приключений жизнь с 8 до 19 лет, когда она жила по инерции и не помнила того удивительного Живого мира, в который привел ее когда-то Варфуша, и который она вновь обрела три (или уже четыре) дня назад. Но этого юношу Аня видела всегда, даже те 11 лет, в которых не было места сказке, куда она возвращалась во сне, но почти ничего не помнила просыпаясь, помнила только этого красивого стройного юношу в образе принца – да и то – смутно. Кстати, когда она была ребенком, то видела во сне обычного мальчишку, ее ровесника, часто на берегу дивного аквамаринowego моря, но по мере ее взросления, вырослел и мальчик и вот теперь превратился в средневекового принца, героя сказок Шарля Перро и братьев Гримм.

– Ну вот ты и пришел, милый, – неожиданно произнесла Аня слова, которые вроде бы и не собиралась произносить, – не грусти теперь. – (Откуда эта фраза, – подумала она удивленно, – словно бы пароль какой-то. Такое чувство, словно бы я эти слова не раз говорила...»)

Тут вдруг она поняла (пока не вспомнила, но осознала), что знает его невообразимую бездну лет, связана с ним незримыми нитями судьбы прочнее, нежели была связана с мамой и папой, что вдвоем они составляют загадочное метафизическое единство, три том, что в реальной жизни совсем не знают друг друга, что души их в каком-то высшем состоянии, которое неведомо даже их шельтам, составляют диаду и объединены совместной и чрезвычайно важной миссией, суть которой ей пока неведома. На сегодняшний день она помнит его только во сне, но когда-то были встречи в иных мирах, иных временах и была удивительная любовь на земле в обычном реальном мире... но когда? Кажется с этим связана очень печальная, даже трагическая история. На секунду ей показалось, что вот, еще немного и она вспомнит все о себе и о нем... увы, этого не произошло: память астрального тела была такой же несовершенной,

что и память дневного разума. Все эти мысли-чувства пронесли в ее сознании мгновенно, и принц с драгоценной шпагой, наверное, все это почувствовал, почтительно склонил голову и печально произнес:

– Я верил, что ты придешь сегодня, я запутался, я ищу совета хотя бы во сне. Впрочем, когда я утром проснусь, то вряд ли что-то путное вспомню. В моей жизни там... случилось нечто важное, кажется я впервые полюбил, но тогда почему мне так грустно и почему я чего-то боюсь? Словно случится большая беда и со мной и с моими близкими. И потом я не понимаю, как я могу любить ее там, если здесь люблю тебя? Правда это совсем другая любовь. Я это твердо знаю, хоть и не понимаю, почему так. А может, ты и есть – она? Может ты – это ее душа и я знаю ее тысячи лет? Я так хочу убедить себя в этом, но почему-то знаю, что это не так – да вы и не похожи совсем. Разъясни, почему мне так тяжело, ведь это же прекрасно – полюбить по-настоящему. А кто-то нашептывает мне, что я свершаю зло, наверное, это дьявол, черный магистр! Скажи, ты не ревнуешь? Но мне кажется, что нас связывает нечто большее, чем земные узы, к тому же я не знаю, где мне искать тебя на земле – если, конечно, ты на земле существуешь.

В этот момент Ане показалось, что она может ответить на все его вопросы, и что ей хорошо знакомы и понятны все его проблемы и на земле и здесь, в царстве сна. Это было такое же мимолетное чувство, что вот, сейчас, она вспомнит все. Но как сон, развеявшийся поутру, который, казалось, еще секунду назад ты помнил... и вот уже забыл, и остается только сожаление и печаль по утраченному... – так же и сейчас. Аня словно бы годила по грани какого-то зазеркалья, за которым все знакомо и кристально ясно – и не могла туда заглянуть – не то чтобы войти.

«Впрочем, – подумала девушка, продолжая сохранять ясное, совсем дневное – но из-за этого – ограниченное сознание, – я ведь и вправду пришла сюда из зазеркалья, но почему-то ситуация от этого яснее не становится».

– Ты так спрашиваешь, – сказала она после мучительных попыток дотянуться до ускользающих образов – словно я лучше тебя понимаю твои проблемы. О них я только догадываюсь, и никак не могу судить о том, чего не помню. Я чувствую, что мы тесно связаны, но, честно говоря, мало что припоминаю. Вижу, что ты в смятении, но ничего не могу посоветовать. А что, в тех встречах, о которых я забыла, я давала тебе ценные советы? Увы, я сейчас ничего об этом не помню, хотя чувствую, что когда-то знала тебя гораздо лучше и действительно могла посоветовать что-то стоящее.

– Странно, – с каким-то сомнением посмотрел на нее принц, – словно бы это ты – и словно бы не ты. Раньше ты была чем-то вроде моей воплощенной совести, правда я, возвращаясь в обычную дневную жизнь, мало что помнил из увиденного и услышанного и никогда не следовал твоим советам. Я всегда убеждал себя, что ты – лишь плод моего воображения. Мало ли что человеку привидится, что же, следовать по жизни всему, что тебе всякие призраки насоветуют? И все же, возвращаясь в царство сна или астральных странствий, я знал тебя, как самое близкое существо на земле и верил тебе, как никому другому. И вдруг ты говоришь, что хоть и догадываешься о моих проблемах, но ничего толком о них не знаешь, и уж тем более – ничего путного посоветовать не можешь! Раньше, мне кажется, ты видела меня насквозь.

– Со мной что-то случилось, Андрюша, – сказала Аня грустно, – в результате чего я потеряла значительную часть своей истинной природы. Я только 3 дня назад это поняла, и мне удалось отчасти восстановиться, но, увы, далеко не полностью. Я многое вспомнила, но до полной интеграции моей личности еще далеко. Наверное раньше я приходила к тебе в прежнем, полноценном состоянии, когда я все помнила и знала. Только мне не понятно, как это могло быть, ведь восстанавливаться я начала всего 3 дня назад, и если следовать здравому смыслу, то в течение последних 11 лет я должна была тебе являться дурочка-дурочкой, уж явно не способной тебя понять и уж тем более что-то ценное посоветовать.

– И, тем не менее, это – так, – пожал плечами Андрей, – та и та и не та, впрочем, в астрале мне приходилось встречать кого угодно – и своих школьных приятелей, и своих учителей, которые в действительности были трансформерами, низшими духами, которые зачем-то охотились за моим астральным медальоном.

Андрей отвернул ворот рубахи и показал маленький круглый медальон с естественным рисунком, напоминающим морское побережье.

– Но никогда эти сущности не принимали твой облик, поэтому он был для меня священен. Кстати, ты не узнаешь этот медальон? Ведь именно ты мне его подарила, когда мы впервые встретились у моря Вечности. А я подарил тебе вот эти жемчуга и кораллы.

Андрей дотронулся ей чуть ниже шеи, и тут Аня поняла, что имеет вполне осязаемый облик, хотя еще совсем недавно ощущала себя бесформенным сознанием, без спроса вторгшимся в чужое тело. Подобно Андрею, она выглядела средневековой принцессой, одетой в газовое платье до земли, а на шее у нее действительно висело кораллово-жемчужное ожерелье.

– Странно, – сказала Аня, – а ведь и правда, мне именно ты его подарил, но я плохо помню, как это было, наверное, кто-то постарался, чтобы я все забыла. Я словно бы начала выздоравливать, но до окончательного выздоровления еще далеко. В одном лишь могу тебя уверить, что я не лярва и не трансформер, я хорошо помню, как сюда попала. – И Аня рассказала историю своего перемещения в тело Андрея с того момента, как увидела его отражение в зеркале вместо своего. Правда, все события, произошедшие до этого момента казались словно бы полускрытые туманом.

– Это что-то новое, – сказал Андрей, раньше ты приходила из какого-то неведомого мира... я никогда не знал откуда ты приходишь. Такое со мной впервые, я потому и не был уверен, что ты существуешь на земле, и однако ты сейчас рассказала о себе, как о человеке, имеющем физическое тело, которое мы покидаем каждую ночь. Но если так, то мы могли бы с тобой встретиться и там, на земле, я всегда мечтал об этом больше всего на свете. Назови мне свой адрес и я найду тебя... постараюсь. А впрочем, – поник головой принц, – скорее всего я проснусь и не вспомню его, так всегда было... иногда в своем нынешнем состоянии я сочинял прекрасные стихи, а когда просыпался – ничего не мог вспомнить. И все же – а вдруг получится? Или, еще лучше, давай я назову тебе свой адрес, может ты лучше помнишь астральную информацию. И тогда ты сможешь меня найти.

– А ты уверен, что этого хочешь? – грустно улыбнулась Аня, – ты ведь там на земле влюблен совсем в другую женщину, не говоря уже о том, что женат. Твою жену мне, кстати, тоже очень жалко, похоже, ей грозит большая беда.

– Влюблен в другую... – почему-то поник головой Андрей, – а ведь и правда, я почему-то забыл об этом, а ведь в дневном сознании мне казалось, что я ни в кого раньше так не был влюблен, как в нее. Может быть, если бы я нашел тебя на земле, этого бы не случилось, но когда я проснусь, то буду себя убеждать, что не могу быть верен призраку, да и вообще, что такое верность? Сейчас мы лишь принявшие человеческий условный образ вихри энергии, но обретая тело, становимся чем-то иным, и законы тела заставляют поступать нас не так, как поступил бы дух. Когда я проснусь, то буду убеждать себя, что к ней... как же ее зовут? Странно, но я не помню, хоть наяву постоянно твержу ее имя... ладно, сейчас – не важно, – что к ней я испытываю самые высокие чувства, какие, наверное, испытывал верный паладин к даме своего сердца во времена короля Артура. При этом он мог даже никогда не прикасаться к ней и видеть ее лишь изредка в окне или на балконе замка. Так же и мне в дневном сознании кажется, что я готов служить и поклоняться ей за жест, за улыбку. Но сейчас я знаю, что в действительности меня прежде всего влечет ее тело, и возможно влечет именно потому, что раздражает пухлое, неспортивное тело жены, которым я объелся вдоволь. Может меня и к той другой тянет, поскольку она является полной противоположностью жены. Впрочем, то, что я сейчас говорю,

не имеет значения, когда я проснусь – даже если буду помнить нашу встречу – я забуду то, что сейчас говорю, и поступлю все равно так, как этого хочет тело, а обосную свои поступки самыми высокими мотивами. Я всегда был лицемером... странно, что сегодня я тебе все это рассказываю, а раньше – наоборот, ты мне все разъясняла и успокаивала душу... с тобой действительно что-то произошло. Да, о чем это я хотел сказать... начинаю говорить – и забываю... что-то я хотел спросить... ах да, давай обменяемся адресами и найдем друг друга на земле. Сейчас я чувствую то, что не чувствую в дневном мире. От той, другой исходит опасность, похоже она принесет мне несчастья, но может быть, если в дневном мире я найду тебя, то меня минует чаша сия. А я, в свою очередь, – помогу тебе восстановить твою память. Ну, слушай и запоминай: мой адрес...

Андрей долго молчал, явно напрягая память, потом с грустью констатировал:

– Я не помню! Казалось бы – такая безделица – а не помню! Помню, что вроде бы проживаю в Советском союзе и все.

– Да, не густо, – мягко улыбнулась Аня, – но не переживай, я тоже не помню своего адреса, словно кто-то стер эту ячейку моей памяти. Мне все кажется, что чуть-чуть усилий и я вспомню все, но в последний момент все ускользает. Это странно, ведь совсем недавно две половинки моей личности воссоединились и я что-то восстановила в своей памяти. Теперь же, оказывается, очень немного, я помню, что очень близко знаю тебя здесь, в астрале, но не могу вспомнить подробности наших встреч. Ну, разве что там, на берегу пустынного моря. Сейчас все словно покрыто туманом и просматриваются только общие контуры. Но наш разговор становится все более странным, такое чувство, что и я и ты должны сказать друг другу что-то очень важное, но мы все время растекаемся на мелочи и забываем о главном.

– Наверное, – вздохнул Андрей, – это потому, что ты всегда раньше знала, что и как говорить, а сегодня сама пребываешь в каком-то потерянном состоянии. Мне кажется – на сегодня главное – встретиться в реальной жизни и что-то восстановить. Но ни я ни ты не помним адреса. У меня родилась идея: сейчас мы с тобой покинем мое тело, выберемся на улицу и прочитаем адрес на дверях и на доме – и тогда ты сможешь меня найти. Возможно, если ты ко мне придешь там, в дневном мире, то это убережет меня от какого-то неверного шага, да и вообще, я всю жизнь мечтал встретить тебя наяву, с той поры, как мы впервые встретились у моря Вечности в астрале.

– Но как мы выйдем? – засомневалась Аня, – я попала в твоё тело случайно, через свое старинное зеркало. Кстати, и в твоей комнате оказалось такое же! Потом я пыталась из тебя выбраться, но у меня ничего не получилось.

– Это несложно, – уверенно сказал Андрей, – я множество раз выходил из тела, думаю, мне и тебя будет несложно вытащить, – тем более, это ведь не твоё тело, и ты так или иначе должна вернуться в свое.

Андрей протянул руку и Аня машинально взяла ее, ощущение было вполне осязательное, девушка чувствовала, что держится за что-то твердое, однако не было ощущения, что это живая человеческая рука. Андрей сделал вертикальный жест другой рукой, словно потянул за что-то, и тут же в темном пространстве, в пустоте, где они вдвоем висели напротив бесконечной стены, возникли качели, и Андрей галантно посадил Аню в гондолу, потом залез сам, встал напротив и взялся за поручни.

– Сейчас начнется, – сказал он напряженно, – сначала возмись за поручни, а на пике, когда я тебе скажу, отпускай.

Как только Андрей это сказал, качели начали раскачиваться, сначала едва заметно, затем все выше, по нарастающей, и через несколько минут Ане стало казаться, что они взлетают до небес. Страха не было, но все вестибулярные ощущения, присущие человеку в обычном состоянии при резком взлете и падении оставались, и когда Андрей крикнул «отпускай», она отпустила поручни и полетела куда-то во тьму. Затем ей показалось, что она перелетает через

ту самую стену, рядом с которой они разговаривали с Андреем, потом она стремительно полетела вниз, и когда приземлилась, то выяснилось, что она лежит на полу в темной комнате перед диваном, на котором кто-то лежит и она поняла, что весь этот впечатляющий полет оказался всего лишь падением с дивана.

– Все благополучно? – услышала она рядом с собой голос Андрея, – мы в моей комнате, не пугайся, а там, на диване мое тело лежит. Сейчас надо все же проверить, правильно мы вышли или нет.

– В каком смысле, правильно? – не поняла Аня.

– Нам же нужно на улицу выйти и посмотреть мой адрес, – сказал Андрей, – а это возможно только тогда, когда выходишь в самое ближайшее отражение Энрофа, если чуть глубже, то пойдут искажения и ничего разузнать мы не сможем, это будет другой город. Думаешь, почему я тебе сказал руки по моей команде отпустить? Я должен был точно рассчитать амплитуду, чтобы вылететь именно в наш тоннель.

Андрей внимательно осмотрел комнату.

– Вроде бы все на месте, как в дневном мире, похоже, правильно вылетели.

Аня тоже огляделась. Они находились в темной незнакомой комнате, но вроде бы это была та самая комната, что она видела глазами Андрея, правда внимательно ее разглядеть у Ани не было возможности. Тут взгляд ее упал на окно, задернутое полупрозрачной занавеской и ей показалось, что оно слишком мутное для обычного окна. Неожиданно она почувствовала, что в этой комнате ей тягостно, и хочется подойти к окну и выброситься наружу прямо через стекло, при этом она прекрасно сознавала, что в этом состоянии разбиться ей не грозит. Она сделала шаг в сторону окна, но Андрей поймал ее за руку и сказал:

– Сейчас из этого окна нельзя выпрыгивать, мы окажемся в Нарове – астральном городе, окно – это туда выход, а чтобы в ближайшее отражение попасть, надо через входную дверь и по ступенькам – тогда мы в Москве окажемся, и, надеюсь, без деформаций, в противном случае, даже в случае малейшего искажения, мы адрес на доме прочесть не сможем. Чтобы окончательно удостовериться, надо мое тело рассмотреть: если лицо мое и пропорции не искажены, значит мы правильно вышли.

Аня с Андреем пошла к дивану и внимательно рассмотрели лежащую на нем фигуру и сам диван.

– Видишь, – внимательно окинул лежащего Андрей, – это действительно мое тело без искажений, и главное, одет так же, как заснул – в трениках и футболке, а то часто бывает – вроде бы и я, а одет по-другому и это значит, что ты не в ближайшем отражении, и что шельт немного дальше проскочил, не говоря уже о тех случаях, когда это вовсе не твое лицо и все пропорции нарушены. Это уже совсем промах, и ничего соответствующего текущему моменту в Энрофе ты не увидишь. Тут как в игре в испорченный телефон – чем дальше от ведущего, который произнес первую фразу – тем меньше сходства. А если мы хотим адрес правильно прочитать, надо находиться предельно близко к оригиналу. Ладно, пошли к выходу.

Аня с Андреем пересекли комнату, подошли к двери и Аня машинально потянулась к дверной ручке.

– Не надо, – усмехнулся Андрей, – как же ты дверь откроешь, если в астральном теле находишься? Надо насквозь проходить. Ты что, первый раз в астрале?

– Да нет, – смутилась Аня, – у меня весьма сложная история. Эта способность ко мне совсем недавно вернулась. Я в детстве часто в астрал выходила, а потом был длительный перерыв. В общем я немного подзабыла все эти особенности астрального мира.

– Странно, – вернулся Андрей к оставленной вроде бы теме, – что-то тут не так. Я ведь много лет с твоим эйдосом общаюсь, а сейчас выясняется, что ты все эти годы в астрал не выходила. Кто же тогда ко мне является, если не ты? Я ведь уже давно научился отличать под-

делку от оригинала, и вижу, что ты не замаскированная эфирная сущность, а настоящая. И, тем не менее, что-то не так. Скажи, где и когда мы с тобой в этой жизни впервые встретились?

– У моря Вечности, – с некоторым напряжением все-таки вспомнила Аня, – помнишь из детства

света пургу  
мальчик и девочка  
на берегу...

Эту встречу я помню, но дальнейшие события всплывают лишь фрагментарно... я как бы себя на долгий срок потеряла... мне почему-то сейчас трудно тебе это в подробностях рассказывать, что-то на меня давит.

– Это обычное состояние, – сказал Андрей, – пока ты в комнате, голова как-то не так работает. Сейчас-то ничего, а когда я только начал выходить из тела, почти ничего не сообщал – как во сне. Вот когда выйдем на открытое пространство, тогда и голова очистится. Ты наверное заметила, что мы как-то не так разговариваем, как хотелось бы – и сердечности не хватает.

– Это уж точно, – сказала Аня, – надеюсь, на улице сможем нормально поговорить, а может и вспомнить удастся больше, чем сейчас...

Аня с Андреем прошли сквозь дверь (она вспомнила, что в прошлом не раз испытывала это необычное чувство протискивания сквозь рыхлую среду) и оказались в темной смежной комнате чуть меньше предыдущей, где на широкой двуспальной кровати виднелась чья-то фигура, трудно различимая в потемках.

– Это тело моей жены Лены, – с некоторым пренебрежением сказал Андрей, – к сожалению, с ее душой мне ни разу не удалось вступить в контакт, она абсолютно непрошибаема. Вернее, сейчас не удавалось, а когда-то, лет пятьсот назад, она была более одухотворена. Впрочем и тогда у нас были весьма непростые отношения.

Тут только Аня обратила внимание, что от тела Лены отходит серебристая тонкая нить, а на конце этой нити, прямо под потолком плавал мутный шар, примерно тех же размеров, что и детский надувной, но в отличие от надувного, этот шар жил, пульсировал, и по его серебристой поверхности все время пробегали неясные тени и мутная зыбка.

– Это пространство ее сна, – прокомментировал Андрей, – я несколько раз забирался туда – ничего интересного – одни мужики, учеба, да куклы – детский сад. К тому же там она никогда меня не узнавала и каждый раз принимала Бог знает за кого. Ты не обращай внимания, что шар маленький – добавил он, видя, что Аня с сомнением рассматривает это образование, в котором не смог бы поместиться и младенец, – это он такой снаружи, а внутри можно небольшой город разместить. Размер здесь – штука условная.

– Можно я на нее посмотрю? —спросила Аня со смешанным чувством, в котором она и сама не могла разобраться: было там и любопытство, и жалость, и сострадание, и, как ни странно, ревность, хотя для последнего чувства, Аня, казалось, не имела полномочий.

– Посмотри, – пожал плечами Андрей, – пухлый пончик... впрочем во сне она другая. Хочешь ее телесный облик посмотреть или шельт? Шельт – там в шаре, в пространстве ее сна.

Не отвечая на вопрос Андрея, Аня подошла к спящей и наклонилась над ней, поскольку в астрале зрение работало как-то по-другому и достаточно часто происходили всякие непонятные зрительные aberrации. Из сумерек на нее глядело пухленькое, простенькое, немного кукольное личико в обрамлении слегка выющихся темных волос. Наполовину разметавшееся во сне тело, едва прикрытое полупрозрачной ночной рубашкой, было, пожалуй, излишне полным для ее совсем еще молодого возраста, а большая, уже рыхловатая грудь только подчеркивала это впечатление.

«Впрочем, – подумала Аня, – говорят, многим мужчинам нравятся такие пышнотелые куклы», – при этом она почему-то знала, что вначале к подобным мужчинам относился

и Андрей, но теперь, похоже, он полностью пересмотрел свои сексуальные приоритеты, и испытывал к своей молодой жене растущее день ото дня раздражение.

– Неужели понравилась? – услышала она сзади себя язвительный голос Андрея, – хотя ты – сама девчонка, ты навряд ли меня поймешь. Хочешь на ее шельт во сне посмотреть да узнать чем она во сне занимается? Слетай к шарикку, можешь зайти ненадолго туда, только особо не задерживайся. Я на всякий случай тебя сопровождать не буду, правда, скорее всего, она меня не узнает, раньше, по крайней мере не узнавала, но мало ли что, на всякий случай нам вместе лучше не появляться.

Со смешанным чувством (Аня подумала, что заглянуть в чужой сон – это как подглядывать в замочную скважину) девушка дала себе мысленный паторн подняться вверх, и медленно поплыла к мутной искривленной поверхности, которая, по мере приближения, стала быстро увеличиваться в размерах и вскоре уже заслонила собой всю противоположную стену. Впрочем, когда Аня обернулась назад и посмотрела вниз, то и всей остальной комнаты не оказалось. Она висела в темноте напротив мутной поверхности, заслонявшей все видимое пространство перед ней, причем, несмотря на то, что эта поверхность излучала слабый мутный свет, пространство он не освещал, и было непонятно, продолжает ли Аня оставаться в комнате, которую просто не видно из-за темноты, либо находится в мрачном беззвездном космосе. По мере приближения к поверхности, которая совсем недавно была пульсирующим шаром, возникло чувство, что там, по ту сторону поверхности что-то происходит, оживились тени, зазвучали едва уловимые звуки, смешки, неразличимые диалоги, неуловимые музыкальные фразы. Казалось, еще недавно до этого шарика на серебряной веревочке было рукой подать, а тут оказалось, что до него лететь и лететь, и не то, чтобы он стал недоступным, но приближался крайне медленно, постепенно превращаясь в нечто иное.

Наконец тягостное сближение закончилось, Аня зависла напротив экрана (одна из стенок бывшего шарика), за которым уже довольно отчетливо кружились в стремительном вальсе размытые тени, дотронулась рукой до гладкой поверхности, и в то же мгновение экран покрылся рябью, и рука прошла внутрь, даже не почувствовав преграды. Тем не менее, сам экран достаточно бурно отреагировал на внедрение чужеродного предмета и от руки Ани во все стороны пошли опалесцирующие круги, как от брошенного в спокойную воду камня. Тут она увидела, что на звездном небе (она готова была поклясться, что буквально секунду назад небо было абсолютно пустым), возникло некое перемещение. Несколько звезд сорвались со своего привычного места, и в мгновение ока покрыв разделяющее их и Аню пространство, по пути превращаясь в дымные шары, которым еще недавно был Леночкин сон, врезались в выгнутую поверхность экрана, и исчезли внутри, вызвав сумятицу в рядах танцующих теней, которые побросали своих партнеров и начали отплясывать какой-то невообразимый рок-н-рол. Одновременно с той стороны экрана, куда Аня просунула руку, девушка почувствовала чье-то мимолетное прикосновение-рукопожатие. Это привело замешкавшуюся, было, Аню в чувство, и она решительно шагнула в опаловую рябь, тут же очутившись в очередной полутемной комнате. Впрочем, возможно это был и целый зал, поскольку если стены и были, то их скрывал царящий здесь полумрак, и Аня сразу оказалась в центре этого зала, где везде в беспорядке были расставлены кровати, тоже затемненные, поэтому невозможно было разобрать, кто там находится, хоть и явно ощущалось, что они не пустуют. Почему-то Ане не захотелось выяснить, чем там эти существа занимаются, где-то впереди, в отдалении маячил мутный свет, и Аня пошла туда, стараясь держаться подальше от затемненных кроватей. Когда на ее пути все же возникла одна из них, то при ближайшем рассмотрении, это оказалась и не кровать вовсе, а кучка мусора, в потемках принимаемая за таковую, причем, с совсем близкого расстояния выяснилось, что это даже не мусор, а сложенные горкой аксессуары мужского и женского интимного туалета: трусы, трусики, лифчики, чулки, прокладки, презервативы и Бог его знает, что еще. От всего этого у Ани возникло тошнотворное чувство, особенно когда эта куча зашевели-

лась и из под интимного хлама показалась чья-то спина. Впрочем, на мгновение расступившаяся темень вновь сгустилась, поэтому, кому принадлежала спина Ане узнать так и не удалось, и достаточно было сделать несколько шагов в сторону, чтобы бесформенная куча вновь стала напоминать обычную двуспальную кровать.

Неожиданно Аня оказалась в кругу освещения, которое создавала небольшая настольная лампа с круглым зеленоватым абажуром, и выяснилось, что освещает эта лампа необъятных размеров кровать, на которой лежали не меньше десятка атлетически сложенных обнаженных парней с какими-то схематичными, как у манекенов, лицами, лишенными какой-либо индивидуальности. Все они оказывали внимание единственной девушке, лежащей в середине, которая, в отличие от этих живых манекенов, имела вполне отчетливое пухлое личико, а ее такое же пухленькое тело прикрывала ночная рубашка, причем не особенно скрывающая ее весьма внушительные, не по возрасту, прелести. Парни-манекены, беспорядочно глядящие и ласкающие пухлую девицу, никак не отреагировали на Анино появление, девица же, напротив, устремила на нее светлые, весьма живые глаза, и испуганно присела, стряхнув с себя руки назойливых кавалеров, которые почему-то тут же застыли в неподвижности.

– Андрей? – смущенно пробормотала девица, явно обращаясь к Ане, – а мы тут со школьными друзьями встретились. Ты ничего не подумай, мы к экзаменам готовимся, видишь сколько учебников прочитали!

И действительно, повсюду вокруг валялись книжки и отдельные листы, на которых можно было разобрать только большие надписи: билет такой-то и такой-то, а на многочисленных потрепанных учебниках, во множестве раскиданных по полу фигурировало одно и то же название: «Биология». При этом мелкий текст сливался и ничего более прочитать не представлялось возможным.

– У нас экзамен по биологии, – оживленно продолжала объяснять Леночка (Аня не помнила, называл ли Андрей ее имя, но точно знала, что это жена Андрея и зовут ее Лена). – Экзамен сегодня принимают – тут, в соседней комнате, видишь на двери расписание висит! Ребята уже сдали и мне теперь помогают. Мне тоже скоро идти, а я боюсь что не сдам. Я вообще не хочу школу заканчивать, и если я экзамен сдам, то опять на второй год останусь, и еще год смогу в школе учиться, не хочу никогда ее заканчивать, иначе работать придется, а работать я боюсь. Так что не ревнуй, милый, это – просто мои школьные друзья, иди ко мне, вместе готовиться легче, у тебя же тоже экзамен на носу.

«Может я и вправду в Андрея превратилась, – удивленно подумала Аня и начала себя разглядывать. Нет, Андреем она не стала, правда вместо белого платья принцессы, на ней были синие джинсы и синяя футболка, в которых она и вправду могла походить на парня – Впрочем, никогда раньше ее с парнем не путали и, тем более, с близи.

– Ты что-то путаешь, – начала объясняться Аня, – я не Андрей и вообще не мужчина, неужели меня можно с мужчиной спутать? Но, как бы то ни было, если сюда сейчас нагрянет настоящий Андрей, то вряд ли он поверит, что ты тут к экзаменам готовишься! Кстати, трудно поверить, что за этой дверью экзамены принимают, больше всего это место напоминает публичный дом.

– Как это ты не Андрей, – почему-то пропустила весь остальной Анин монолог Лена, – я что, своего мужа узнать не способна?! Ты, наверное, от меня отказаться решил, подумал, что я со своими школьными друзьями тут сексом занимаюсь! Ты всегда меня Бог знает в чем подозревал, если рядом оказывались мужчины, а это – не мужчины, это – школьные друзья. Для меня единственный мужчина – это ты, и я хочу, чтобы ты сейчас сюда ко мне лег, а на них внимания не обращай, они подвинутся. В конце концов – ты мой муж и обязан со мной спать!

– Что за ерунда, – воскликнула Аня, – у тебя есть глаза, или как! Еще раз повторяю: я девушка и тебя впервые вижу. Если ты меня за кого-то другого приняла, так это – твои проблемы, а я не собираюсь в эти игры играть, мне противна эта групповуха и ты мне противна!

С этими словами Аня собралась гордо удалиться (кстати, куда удалиться, было не ясно, девушка почему-то была уверена, что дверь, на которой и вправду висело какое-то расписание, не была выходом, а, скорее всего являлась другим отсеком Леночкиного сна), но тут появилось третье лицо, а именно неоднократно упомянутый здесь Андрей, по-прежнему оставаясь в романтической одежде принца, путешествующего инкогнито. Он просто вышел из сумрака, как незадолго до этого Аня, если наблюдать эту сцену глазами Леночки.

«Ну вот, подумала девушка, – сейчас начнется супружеская сцена, да и как иначе! Застать свою супругу с целой ватагой обнаженных парней!»!

Однако Андрей холодно взглянул на жену и обратился к Ане:

– Видишь, я же говорил, что у нее одни мужики на уме вперемешку с учебным процессом! Пойдем отсюда, тут все равно ничего интересного не предвидится – сплошной детский сад.

– Батюшка Сергей! – неожиданно среагировала на появление своего настоящего супруга Леночка, – познакомьтесь, это мой муж, Андрей, он не верит, что я здесь к экзаменам готовлюсь, но вы-то видите, что ничего постыдного не происходит. А он говорит, что здесь какие-то голые парни, а это на самом деле мальчики из нашего класса и ничего у меня с ними...

– Это она к кому обращается? – удивленно посмотрела Аня на Андрея, облик которого никак не соответствовал облику православного батюшки, – только что мужем для нее была я – выходит, по логике вещей, батюшка Сергей – это ты!

– Это как раз нормально, – усмехнулся Андрей, по-прежнему игнорируя свою супругу, – она меня все время за кого-то другого принимает – только не за меня самого. Я не раз ее сны посещал, уже надоело. А вот то, что она тебя за меня приняла – это что-то новое, правда я в ее сон никогда с третьим лицом не являлся, может она всегда кого-то третьего за меня принимать будет?

– Но я ведь – не мужчина!

– Ну и что, меня она тоже несколько раз за подружку принимала и пыталась со мной поделиться всякими интимными подробностями жизни со мной же самим. В общем все перепутано в этой головке.

– Я же говорила, что вы подружитесь! – донесся до них радостный голос Леночки, – и Андрюша тоже будет в нашу воскресную школу ходить! Да идите же сюда, мы все здесь поместимся!

– Спасибо, не хочется, – возмущенно фыркнула Аня, – меня ваша компания совершенно не привлекает! Между прочим тот, кого ты батюшкой Сергием называешь, и есть твой муж, а я Аня, а не Андрей, и уж тем более – не батюшка Сергей.

– Не муж – а Небесный жених, – начала плести Леночка очередную ахиною, – а мы все его земные невесты, потому что батюшка Сергей Христа на земле представляет.

– Все, не могу больше этот бред слушать, – сказал Андрей, – пошли отсюда, пусть чем угодно со своими манекенами занимается, мне на это глубоко наплевать. Непонятно все же, почему она тебя за меня приняла?

– Да я давно собираюсь отсюда выйти, только не ясно куда. Сюда я через световой экран попала, здесь же нет никакого экрана.

– Любая стенка подойдет, изнутри этот экран не светится, и выглядит в данном случае, как стена этого зала. Пошли, не могу больше на этот детский сад смотреть... я все же вначале думал, что она – более развитая душа.

– Какой же это детский сад? – смутилась Аня, – целая компания голых мужиков твою жену щупают, и наверняка вскоре займутся с ней групповым сексом.

– Так то ж во сне, – махнул рукой Андрей, – видно наяву она от меня чего-то не дополучает... впрочем – сама виновата, могла бы и сама быть потемпераментней. Это она здесь такая Мессалина, а в действительности – серенькая овечка...

– Знаешь, – перебила его Аня, – как-то неудобно в присутствии ее самой такие вещи обсуждать... мне, по крайней мере, не по себе.

– Не обращай внимания, – хмыкнул Андрей, – обычная астральная кукла! До нее почти ничего не доходит из того, что мы здесь говорим, вернее, доходит только то, что она хочет услышать. Ладно, пошли, я похожую картину уже не в первый раз вижу.

Андрей направился к стене, которая неожиданно возникла из мрака и тут же сформировала небольшую дверцу перед ним, за которой Андрей тут же скрылся. Девушка последовала за ним, но у самой двери обернулась в сторону той, в чей сон они так беспардонно вторглись. Оказалось, что за те несколько секунд, которые Аня не смотрела в сторону Леночки и компании, картина несколько изменилась. Кровать теперь превратилась в круглый торт, размером с колесо карьерного самосвала, обнаженные молодые люди оживленно суетились вокруг этого кондитерского чуда, а сама Леночка нарезала этот торт по секторам самым длинным японским двуручным мечом но-гати, насколько хватало длины клинка. Аня раскрыла дверцу и шагнула во тьму, которая сразу обернулась полумраком Андреевой квартиры. Ее спутник оказался тут же, и оба они стояли рядом с кроватью спящей Леночки – это было уже ее плотноматериальное тело, от которого вверх тянулась серебряная нить к опалесцирующему шару.

– Чего задержалась? – спросил Андрей, – что-то новинькое увидела?

– Да, так, – отмахнулась Аня, – теперь они торт нарезают... огромный.

– Вот-вот, – хмыкнул Андрей, – как раз в ее стиле! Тайные мысли о мужчинах-атлетах и явное пристрастие к тортам, пирожным и булочкам! Сама, как пончик стала, результат налицо! За полтора года нашей совместной жизни она на 5 кг. поправилась, если так и дальше пойдет, даже страшно представить, во что она лет через 10 превратится.

– Кстати, – напомнила Аня, – мы что-то собирались выяснить... только я забыла о чем речь шла...

– Забывчивость – довольно частое явление в астрале, – сказал Андрей, – я через это прошел: давал себе всякие задания наяву, как по Кастанеде, но во сне упорно забывал, что надо сделать. К счастью, в данный момент я хорошо помню, что мы с тобой собирались предпринять: выйти на улицу, причем именно обычным путем – через дверь, и посмотреть мой адрес, и постараться его запомнить – особенно тебе, чтобы потом, в дневном сознании друга друга отыскать.

– А если я не запомню, – стала сомневаться Аня.

– А ты постарайся, хотя, разумеется, никакой гарантии нет. Если ты подобных вещей не проделывала, то скорее всего и не запомнишь.

– Тогда, к чему все это?

– Все-таки, попытка – не пытка, можно будет повторить потом, если мы снова в астрале встретимся... хотя, конечно, гарантий – никаких. А жалко, я чувствую, что если бы мы встретились в реальной жизни, что-то очень важное в твоей и моей судьбе свершилось. Слушай, а может, продублируемся? Ты далеко отсюда живешь?

– Откуда отсюда?

– Ах да, я же своего адреса не помню, как и ты своего. просто у меня возникла мысль попробовать и к твоему дому добраться. Ближайшее к Энрофу отражение в точности Энроф копирует, и география та же, так что теоретически можно через астрал к твоему дому добраться и посмотреть твой адрес. Думаю, мне твой адрес удастся запомнить, я специально упражнялся в способности запоминать слова и надписи, увиденные в астрале, которые в дневном сознании обычно забываются.

– Если бы я знала, как отсюда до моего дома добраться! Я вообще плохо Москву знаю, а уж сейчас – особенно.

– Не получится, так не получится, – пожал плечами Андрей, – еще одна неудачная попытка будет. Отрадно уже то, что мы сделали первую попытку отыскать друг друга наяву!

Раньше мне это даже в голову не приходило. А вдруг сейчас выйдем из дома, и ты узнаешь мой район и сориентируешься, как до твоего места жительства добраться. Главное, я чувствую, энергии астрального выхода еще очень много. Ну, пошли, чего время терять.

Андрей, а следом за ним и Аня прошли сквозь дверь комнаты, вышли в коридор, пронизали еще одну дверь – уже входную и выбрались на лестничную площадку.

– Слава Богу, – расслабился Андрей, – та самая лестница, а то иногда бывает, в квартире все воде бы на месте, а выйдешь на лестницу, и оказывается, что это не лестница, а что-то совсем другое, чаще всего все тот же Наров.

Аня привычно проследовала к лифту, но Андрей ее остановил и заставил запомнить номер квартиры, который отчетливо виднелся сквозь полумрак, как будто светился, намазанный фосфором.

– Тридцать семь, – подчеркнул Андрей, – постарайся не забыть. Кажется номер совпадает с настоящим.

Аня подумала, что на данный момент номер 37 она запомнила хорошо, и вроде бы не должна забыть после пробуждения. Пробуждения... легко сказать! Она же не просто заснула или вышла в астрал обычным способом! Ее, можно сказать, втянуло и перебросило в тело Андрея старинное зеркало, точная копия того, что стоит в квартире Андрея. Так что не известно, что с ее телом и в каком состоянии оно находится, ведь совсем недавно она выпала из пространства Энрофа на три дня, и если с определенностью можно сказать, где путешествовал ее шельт, вместе с сознанием, то совершенно неизвестно, где было ее тело. А вдруг и сейчас то же самое? Тогда – никакой гарантии, что она вернется назад без проблем, как в первый раз! Отбросив тревожные мысли, Аня сделала вторую попытку войти в лифт, но Андрей ее с улыбкой остановил:

– Ну и как ты собираешься на этом лифте ехать, как будешь на кнопку нажимать? Ты же сейчас – бесплотное существо, и если сейчас лифт действительно поедет, то это означает, что мы находимся не в ближайшем к Энрофу отражении, которое полностью отображает образец.

– И правда, смутилась Аня, – но тут ей припомнился некий прецедент во время занятий с Варфушей много лет назад, – кстати, а ведь я, когда обучалась науке живого мира у домашнего – посланника богов, то не раз двигала предметы из астрала, значит это принципиально возможно. Раз существует телекинез, когда предметы двигают силой мысли, то значит можно их и из астрала двигать, ведь ближайшее к Энрофу отражение – это, по сути, буфер между астралом и Энрофом, и из него можно влиять как на тот, так и на другой мир. А телекинез – я недавно пробовала – у меня получается.

– Слушай, а ведь я об этом не задумывался, – удивился Андрей, – лично я никогда предметы из астрала не двигал, поэтому и думал, что это невозможно. Ты меня как-нибудь этому научишь?

– Потом может и не быть, – грустно вздохнула Аня, – как знать, удастся ли нам еще встретиться!

– И тем не менее, не будем искушать судьбу, – заключил Андрей, – я знаю законы астрала, они коварны и чем может закончиться спуск на реальном лифте – неизвестно. Всякие прямые переходы часто ведут в иной пространственный рукав, не исключено, что и на лифте мы приедем совсем не туда. К тому же, если тебе из астрала удастся нажать кнопку лифта, то на это может уйти слишком много энергии, а это может привести к тому, что твой астральный выход закончится до того, как мы что-то успеем узнать. Тут спускаться-то всего 8 этажей, больше разговоров.

Андрей пошел вниз по лестнице, а следом за ним и Аня, удивляясь, с чего это вдруг она из-за этого лифта подняла целую дискуссию. Впрочем, возможно она подсознательно хотела похвастаться перед Андреем своими астральными успехами в прошлом.

Лестница подъезда выглядела вполне обычно, не считая особого астрального сумрака с сине-фиолетовым оттенком, через который, впрочем, довольно отчетливо можно было видеть все, что их окружало, и когда они прошли сквозь дверь, разумеется ее не открывая, Андрей вздохнул облегченно:

– Слава Богу, это не Наров и не что-то третье, это Москва!

Аня огляделась вокруг. Место ей было знакомо, и тут вдруг она сообразила, что много раз была здесь проездом, что поблизости находится ВДНХ, аллея космонавтов, Мухинская титановая ракета, и что это, похоже, улица Королева – недалеко от проспекта Мира. В следующее мгновение она вспомнила, что как раз и живет на проспекте Мира, правда ни дом, ни квартиру вспомнить ей не удалось. Тут выяснилось, что ее астральное зрение все же отличается от обычного, и уже где-нибудь в ста метрах от нее город погружался в лиловый сумрак, и невозможно было разглядеть ни титановую ракету, ни павильонов ВДНХ. Но улицу Королева она узнала хорошо и помнила, как дойти до проспекта Мира, а там уже и до ее дома дойти – минут сорок от силы. Правда неизвестно, с какой скоростью они смогут передвигаться по астральному отражению. Может, можно мгновенно, а может и наоборот – возникнут проблемы, как во сне, когда пытаешься добраться до нужного тебе места, но никак не удается этого сделать, как бы близко это место предположительно не находилось. Тогда поиск превращается в безрезультатное блуждание и томление духа. Кстати, Аня была уверена, что сумеет найти свой дом, хоть и не помнила адреса, кроме проспекта Мира.

– Ну вот, – прервал ее размышления Андрей, – это как раз тот дом, где я живу, остается только адрес посмотреть, он, обычно, с торца дома расположен.

– Кстати, – вдруг заподозрила что-то неладное Аня, – а разве у вас вход в дом не со двора? Оказывается, я здесь раньше бывала и как раз недалеко отсюда живу на проспекте Мира. Я часто в сторону ВДНХ прогуливалась и хорошо помню, что в этом доме подъезды со двора расположены. Каким же образом мы сразу на улице Королева со стороны проезжей части оказались, если только что из подъезда вышли – их же здесь и нет, как в реальности!

– А ведь точно, – с досадой проговорил Андрей, рассматривая стену дома, рядом с которой они стояли, – какой-то пространственный выверт произошел. Это – не очень хороший признак. Ладно, все равно уже ничего сделать нельзя, давай адрес смотреть. В остальном-то – нормальная Москва, я свой район как пять пальцев знаю. Вон проспект Мира, и машины редко ходят, как в это время и положено, а то, что здесь видимость иная – то это все-таки астрал с другими законами зрительного восприятия. А вон – люди, посмотри, это обычные люди, а не астральные сущности. Поблизости и вправду прошел, пошатываясь, небрежно одетый мужчина, явно подгулявший, а рядышком с ним пристроилась пара размытых безликих фигур, грязно коричневого цвета, на которых пьяненький мужчина не обращал никакого внимания, несмотря на то, что те, двое, буквально прилепились к нему.

– Те, двое, сзади – это лярвы, – прокомментировал Андрей, – разумеется, он их не видит. Можно сказать, они сейчас на троих соображают. Он своим пьянством совершенно разрушил внешнюю защиту, вот они и сосут из него, значит завтра с утра ему будет гораздо хуже, чем могло бы быть, если бы эти твари из него не сосали. Пойду ка их пугану, этот мужик хоть и алкаш, но симпатичный, возможно его жизнь не так сложилась: жена ушла или с любимой работы выгнали. В любом случае я этих тварей на дух не переношу, раньше, пока я их гасить не научился, они и меня частенько покусывали.

Аня ничего не успела возразить, а Андрей уже подскочил к мужчине, и хоть в восприятии Ани они, казалось бы, ничем материально друг от друга не отличались, пьяненький мужчина Андрей так и не заметил, хоть пару раз посмотрел в его сторону, Андрей же обошел мужчину сзади и, крепко схватив коричневых граждан за шкирки, поднял их в воздух.

– Вот, – прокомментировал он Ане, если точно знаешь, что ты их сильнее, то можешь делать с ними все, что угодно, в противном случае предстоит долгая бестолковая борьба,

и сколько бы ты не рассекал и рвал их на части, они все равно будут срастаться и тут же вновь к тебе прилипать. У меня поле наработано таким образом, что по закону сообщающихся сосудов, их энергия ко мне перетекает.

Ляrvы тем временем беспомощно трепыхались в руках Андрея и теряли форму и плотность прямо на глазах, а когда юноша забросил их в кусты, то это были уже не человекоподобные существа, а просто ворох одежды. Ничего не подозревающий пьяненький мужчина сразу среагировал на действия Андрея. Он вышел из пьяного динамичного стопора, ожившим взором осмотрелся и двинулся вперед уже гораздо ровнее и бодрее, чем шел только что, так и не узнав причину прояснения своего затуманенного алкоголем сознания.

– Ну вот, – бодро сообщил Андрей, – хоть чем-то помог ближнему! Правда, скорее всего, ненадолго, он скоро новых ляrv, как блох, нахватает, я же не могу за ним везде следовать. Но, по крайней мере, у него хоть на время мозги прояснятся, и его в вытрезвитель не заберут. Впрочем, гарантий никаких.

– А с ляrvами что будет? – неожиданно пожалела Аня астральных паразитов.

– К сожалению, – вздохнул Андрей, – это лишь временная их нейтрализация. Вскоре они восстановятся и пойдут новую подходящую жертву искать. Это все – лишь перекачка энергии туда-сюда, на самом деле никого в астрале убить невозможно. Кстати – несколько не в тему – я думаю, что мы оказались у дома с проезжей части потому, что я помнил, что адрес дома с этой стороны расположен. Мы ведь не в физическом пространстве находимся, а в мире, находящемся в прямом отношении к нашим мыслям и образам – к ментальной энергии. Я думаю, что он и похож в этом слое на Энроф потому, что повторяет ментальные образы живущих здесь людей.

Тем временем наши знакомые подошли к торцу дома, и Аня прочитала адрес: улица ак. Келдыша, дом 6, корпус 1. Девушка недоуменно посмотрела на Андрея:

– Но это же улица Королева, я это точно помню, я здесь много раз была и хорошо запомнила название улицы. Улица Келдыша здесь правда тоже неподалеку имеется, но это – точно Королева!

– Ты что-то путаешь, – недоуменно посмотрел на нее Андрей, – я, правда, до сего момента своего адреса не помнил, но сейчас точно знаю, все правильно: ул. Келдыша, дом 6, корпус 1, квартира 37!

– Странно, – искренне удивилась девушка, – а я, почему-то, совершенно уверена, что я права! Может, все-таки, это астральное искажение: в Энрофе это – улица Королева, а здесь – Келдыша.

– Тогда, – сказал Андрей, – мы не в ближайшем отражении находимся, и нет никакой уверенности, что мы твой дом найдем. Впрочем, ничего уже не исправишь, энергия выхода еще не исчерпалась, все же сделаем попытку, а вдруг получится! В любом случае это будет хорошим Кастанедовским тренингом. На всякий случай постарайся запомнить, что в Энрофе это может быть улицей Королева, но номер дома и квартиры – точно мои. Ладно, если ты не знаешь более короткой дороги, пойдём на проспект Мира. Кстати, можно попробовать, может мы можем быстро перемещаться... хотя, все же, не стоит: если ты мысленно туда телепортируешься, то нет никакой гарантии, что я смогу туда за тобой последовать. Может попробуем просто лететь над самой землей – все быстрее.

Аня с Андреем попробовали взлететь, однако какая-то сила этого не позволяла, словно в этой зоне астрала и вправду действовало земное притяжение.

– Не получается, – констатировал Андрей, – наверное этот астральный слой не приспособлен для полетов. Придется пёхом... но тогда нет никакой гарантии, что за это время энергия «выхода» не закончится. Давай ка на проспект Мира выйдем и там попробуем транспортом воспользоваться, а то на Келдыша – то бишь – Королева в это время машины редко попада-

ются. Жалко, нигде стенных часов не видно, не ясно сколько времени. По идее уже глухая ночь, общественный транспорт не ходит, однако что-нибудь придумаем.

Аня с Андреем двинулись вперед со скоростью обычного пешехода и вскоре оказались на проспекте Мира, по которому все же, хоть и не так часто, сновали автомобили. Встречались и пешеходы, правда, совсем редкие, по большей части возвращавшиеся из веселых застолий. Автобусы уже не ходили, и кое-кто из припозднившихся граждан ловили такси.

– Ты свой дом-то помнишь? – усомнился Андрей.

– Визуально место точно узнаю, – сказала Аня, – а вот с номерами по-прежнему беда.

– Ну и сколько до твоего дома пѣхать?

– Минут сорок, если не больше засомневалась Аня, – это недалеко от станции Проспект Мира, и сейчас я уверена, что дом найду, если, конечно, искажений не будет, мы уже столкнулись с некоторыми неувязочками.

– Это точно, – сказал Андрей, – и это настораживает. Слушай, что-то мне не хочется к тебе пешком топать, большая вероятность, что энергия «выхода» закончится, прежде чем мы до места доберемся, такое в астрале сплошь и рядом бывает, мне кажется, надо транспортом воспользоваться, если все остальные быстрые способы перекрыты.

– А разве это возможно, – удивилась Аня, – тем более автобусы, похоже, уже не ходят, и метро наверняка закрыто, тем более, до него еще дойти надо.

– А мы – на такси...

– Ну, это уж точно невозможно, ты же видишь, люди нас не воспринимают, как мы такси остановим, и стоянки поблизости нет.

– А мы подсядем вместе с кем-то из голосующих. Нам ведь главное, чтобы такси остановилось, а там можно хоть через закрытую дверцу проскочить.

– Хорошо, допустим, проскочим, а откуда ты знаешь, что такси не свернет с проспекта Мира еще до моего дома?

– Во-первых, – тут, в обозримом пространстве по меньшей мере четыре человека такси ловят, а между прочим, и я и ты способны запросто их мысли читать: узнаем кто куда едет и выберем подходящий адрес. Кстати, на ходу из такси мы также легко через закрытую дверцу сможем выпрыгнуть, я такие вещи не раз проделывал. Так что водитель даже не догадается, что у него были бесплатные дополнительные пассажиры. Ничего, обычный пассажир за нас расплатится.

– Допустим такое в астрале возможно, – продолжала мучиться сомнениями Аня, – а если никто из этих четырех по проспекту Мира не поедет?

– Тогда существует вариант заставить водителя ехать туда, куда нам надо. Такую мысльку ему можно запросто внушить.

– А как же пассажир?

– А мы ему внушим, что все нормально, просто таксист его другим путем к дому везет. Но, разумеется, кто можно лишь на крайний случай оставить. Я думаю, с кем-нибудь из голосующих нам по-пути.

– Мне кажется, что на сознание людей нехорошо воздействовать, давай лучше попутчика искать.

Аня быстро просканировала сознание четырех припозднившихся голосующих, стоящих в разных местах, и уверенно сказала:

– Вон, та парочка, которая ближе всего к нам, едет в район станции Ногина. Это как раз нам по-пути.

– Что-то я не знаю такую станцию, – снова насторожился Андрей, – где это хоть находится?

– Ты не знаешь станции Ногина? – удивилась Аня, – так ведь там большая часть пассажиров с Калужско-Рижской линии на другие ветки пересаживается! – И Аня описала, где находится станция Ногина.

– По-моему, то, что ты описываешь, Китай-городом называется, – покачал головой Андрей, – опять неувязочка получается, первый раз о каком-то Ногине слышу. Ну да ладно, будем надеяться, что разница тут только в названиях. В конце концов проспект Мира и в твоей и моей версиях одинаково называется, и будем надеяться, что сама география города в обоих случаях идентична. Ты говоришь, те, двое? Ну, давай к ним пристраиваться, у них к тому же больше шансов телегу поймать.

– Какую «телегу»? – не поняла Аня.

– Как какую?! – так это же всем известно – сленговое обозначение легковушки...

– А, так ты «тачку» имел в виду! – дошло до Ани.

– Тачку? Странно, никогда не слышал, чтобы так автомобиль называли! Ничего не понятно, откуда эти расхождения, и что это значит, – с тревогой сказал Андрей. Но тут подгулявшая парочка остановила, наконец, такси и назвала, как это Аня точно установила, район станции метро Ногина. Место доставки таксиста вполне устраивало, парочка влезла на заднее сидение, с ними рядом пристроилась и Аня, Андрей же прямо сквозь нераскрытую дверцу проскочил на место рядом с водителем.

– Конечно, – прокомментировал он, неслышно для всех, кроме Ани, – можно было бы и на коленках у них посидеть, или даже совместиться с кем-нибудь, но, боюсь, это бы вызвало некоторый дискомфорт у наших пассажиров, так что ты старайся их особенно не касаться. Они, возможно, ощутят твое присутствие, особенно женщина, они как правило чувствительней, но вряд ли поймут, что у них тут еще парочка халявщиков пристроилась, так что лучше сделай защитный экран, может, по пьяни, не почувствуют, – (молодая парочка и правда была хорошо навеселе).

Попутчики Ани и Андрея уселись довольно компактно – молодые люди, похоже, недавно познакомились и что-то увлеченно шептались друг другу на уши, так что Ане удалось пристроиться на некотором от них расстоянии, и машина тронулась.

Это было странное чувство, ехать в машине с водителем и пассажирами, не подозревающими об их с Андреем присутствии, тем более, Аня видела Андрея и себя так же отчетливо, как и попутчиков. Впрочем, через несколько минут молодая женщина что-то ощутила, стала как-то более рассеяно отвечать на ласки своего кавалера и даже несколько раз тревожно обернулась. На вопрос молодого человека: «Ты чего» она весьма неуверенно ответила, что все в порядке, наверное выпила лишнего, и такое чувство на нее кто-то смотрит. На это молодой человек ответил, что лично он ничего не чувствует, и что она и вправду малость перебрала, но это все ерунда и главное, чтобы, когда они домой доберутся, у нее голова не болела.

Такси уже пересекло Рижскую эстакаду, когда Аня поняла, что происходит нечто непонятное. Вначале она подумала, что у нее просто двоится в глазах, поскольку увидела, что из корпуса шофера начинает выделяться еще одна фигура. То же касалось аксессуаров машины и тесно обнявшейся парочки. Однако, когда она перевела взгляд на сидящего к ней спиной Андрея, то оказалось, что это двоение на него не распространяется. То же касалось и Ани самой, когда она перевела взгляд на свои руки. Через несколько секунд Аня констатировала, что двоение стремительно нарастает в том смысле, что дубликат салона машины с пассажирами быстро отъезжает в сторону, и когда Аня посмотрела в окошко, оказалось, что то же происходит и с внешней стороны такси, и буквально через 5—10 секунд дубликат автомобиля полностью отсоединился и ехал рядом. Когда же Аня перевела взгляд в салон, то выяснилось, что Андрея в салоне уже нет, он ехал во второй, дочерней, быстро отодвигавшейся в сторону от Аниной, и в той, второй, Ани уже не было, как не было Андрея в первой.

– Андрей, что случилось?! – крикнула Аня запоздало, – но Андрей уже не слышал, он стремительно отъезжал в сторону вместе с раздвоившимся проспектом Мира, рядышком с шофером и пассажирами – точными копиями тех, которые, ничего не подозревая, составляли компанию теперь уже одной только Ане.

Тут только девушка обратила внимание на то, что машина словно бы несется внутри гигантского зеркального калейдоскопа, что дорога перед ней, отражаясь во множестве зеркал, дwoится, троится, и так далее, в арифметической прогрессии. При этом, если поначалу ей казалось, что первый дубликат ничем не отличается от прототипа, где ехала она сама, то теперь в глаза бросалось все больше и больше отличий в этих бесконечно дробящихся дублях. Где-то отличалась поза шофера и пассажиров, где-то – это были уже совсем другие пассажиры, а где-то уже и совсем другая машина и шофер. Да и сам город, по которому они мчались, бесконечно дробясь, уже мог иметь какие-то отличия и в уличной ситуации, и в марках, проносившихся мимо автомобилей, и в количестве и личностях пешеходов. Вскоре это распространялось уже и на детали архитектуры, правда Аня с неким удовлетворением констатировала, что основная магистраль, по которой мчалась ее машина в окружении зеркальных множасьщихся отражений, все же остается все тем же проспектом Мира.

Поначалу Аня была в сильной растерянности, но потом решила для себя, что изменить все равно уже ничего нельзя, и самая здравая мысль на ближайшее время – это выскочить из машины в тот момент, когда они будут проезжать мимо ее дома. Это ей показалось совсем не страшным, выпрыгивала же она в прошлом из окна во время астральных выходов (вернее – просачивалась сквозь стекло), и когда машина поравнялась со знакомой аркой прохода в ее двор, Аня протиснулась сквозь дверцу и оказалась на проезжей части. Нет, ее не швырнуло на асфальт, она как ни в чем ни бывало, стояла посреди дороги – очевидно законы инерции на ее шельт никак не распространялись. Такси быстро растворилась в ночном полумраке, унося с собой шофера и двух пассажиров, а вместе с ними развеялась и зеркальная феерия калейдоскопа, внутри которого Аня неслась на машине в течение последних пяти минут. Мир вошел в привычные рамки, вернее – астральное отражение мира, что хорошо улавливалось по особой цветовой гамме и невозможности разобрать отдаленные перспективы.

## ГЛАВА 2. Другое отражение

Вокруг было совершенно пустынно, ни людей, ни машин, только три-четыре светящихся окна в доме напротив напоминали о том, что в этом ночном городе живут люди.

– Вот, – с грустью подумала Аня, – даже не попрощались. А ведь неизвестно, увижу ли я его еще.

Неожиданно все ее существо охватило чувство огромной потери, словно только что ее покинул самый близкий на земле человек. Покинул, ничего не объяснив, не сказав «прощай» или «до свидания», и совершенно неизвестно, увидит ли она его когда-нибудь еще. Это было тем более странно, поскольку пока Андрей был рядом, что-то делал и что-то говорил, она не ощущала, что он ей как-то особенно дорог, и что она не может без него жить на этой земле. Она даже толком не могла сказать, вызывал ли он в ней какие-то женские чувства – любовь или вожделение, она лишь понимала, что этот человек ей глубоко симпатичен, и что с ним у нее связан большой пласт воспоминаний, правда, сами воспоминания от нее постоянно ускользали. И еще ей казалось, что этот «принц, путешествующий инкогнито», может ее каким-то образом пробудить, хотя, от чего пробудить, если она и так была в астральной проекции – то есть по сути дела спала – она тоже не смогла бы объяснить. А прочем это был не совсем человек даже, как и она сама в данный момент, оба они являлись шельтами – душами, одетыми в оболочки астральных энергий, и вполне возможно, что все эти непривычные для Ани чувства были связаны именно с этим. Тут она припомнила свои давние астральные выходы, которые у нее происходили еще под руководством Варфуши и его критерии оценки качества того или иного выхода.

– Только и смогла, что на улицу выйти и в машину сесть, – подумала девушка, – и еще выпрыгнуть из нее. Впрочем, наверное, Варфуша бы сказал, что все равно это был неплохой астральный эксперимент: вышла в ближайшее отражение и с машиной все получилось, все же для сновидчества это очень сложная техника, первое время не каждый сможет даже на руки посмотреть. И все-таки, почему машина раздвоилась вместе с шофером и пассажирами, а мы с Андреем оказались в разных машинах? И ведь наверняка это что-то важное должно означать. И все-таки кое-что важное от этого странного путешествия мы имеем. Удалось запомнить адрес: ул. Келдыша 6, к.1, кв.37. Хотя я уверена, что это не улица Келдыша, а Королева. И это место и дом я хорошо знаю. Если я сохранию эти сведения после того, как вернусь в тело, то смогу отыскать Андрея и в реальном мире. А вдруг он, если и вправду там живет, меня не узнает и решит, что или у девушки не все дома, либо, что она нахалка и хочет с ним таким экзотическим способом познакомиться? Вдруг он не помнит, что с ним в астрале происходило, или, как его жена во сне, он принял меня за кого-то другого? Он ведь говорил в самом начале, что я как-то не так себя веду, как раньше. Впрочем это – малодушие, если уж судьба дала шанс найти его при жизни, то отказаться от этого шанса – значит предать все самое заветное, что у меня до сей поры было, от мечты о Единственном, лишь тебе судьбой предназначенном, встреча с которым должна перевернуть всю мою серенькую обыденность. Хотя уже более трех дней – она не такая уж и серенькая! Ладно, будь что будет, после возвращения в тело, схожу на эту улицу Келдыша или Королева дом №6, к.1 и позвоню в квартиру 37. В конце концов, если все окажется блефом, то я ничего не теряю, ведь и без Андрея на ближайшее время у меня есть чем заняться, и для начала надо выяснить, что случилось после того, как я нырнула в рябиновую рябь.

Итак, на улице было пустынно и даже редкие машины перестали ездить. Судя по редким замерзшим лужам, на улице стояла минусовая температура, однако Аня не чувствовала холода: астральное тело на такие мелочи, как температура и прочие параметры внешней среды

не реагировало, к тому же это было лишь ближайшее астральное отражение Энрофа, куда эти параметры и так не переносились.

Аня зашла под арку своего дома, во дворик, где одиноко скучали разрисованные и скорешенные вандалами детские беседочки, качельки и прочие стандартные атрибуты московского дворового пейзажа. Вроде бы все выглядело как обычно, это был именно ее дом и ее дворик, хотя после того как она бесстрашно выскочила из машины, не отпускало чувство, что вокруг стало как-то не так, хотя, в чем это «не так» заключалось, она не могла определить, и списала этот дискомфорт на тот факт, что видела вокруг себя не физический мир, а его энергоинформационную копию. Девушка беспрепятственно прошла сквозь закрытую дверь подъезда, невесомо взлетела на 5 этаж и с некоторым замиранием сердца прошла сквозь еще одну дверь, теперь уже дверь собственной квартиры. Квартира была погружена во все тот же астральный сумрак, в котором и при отсутствии света было прекрасно видно окружающее, за исключением тех случаев, когда наступали непонятные зрительные аберрации зрения и все видимые пропорции нарушались, либо мир вообще погружался в густой липкий мрак. Но это касалось как правило более глубоких слоев астрала, и в ближайших к Энрофу отражениях таких эффектов не происходило. Тут она поняла, что попала не к себе домой. С одной стороны, планировка квартиры вроде бы была такая же как у нее, но старинного массивного платяного шкафа для верхней одежды, который с порога бросался в глаза, она не обнаружила, стоял небольшой современный шкафчик, ей незнакомый, а так же вовсе не присутствующая в ее доме вертикальная рогатая вешалка с какой-то чужой одеждой. Инстинктивно Аня сделала шаг к ближайшей двери в комнату, однако ей тут же стало неудобно, словно она намеренно влезла в чужую квартиру, и девушка спешно поторопилась выйти назад, на лестничную площадку, полагая что просто перепутала двери, ведь ее восприятие реальности в астрале все же отличалось от восприятия в Энрофе.

На лестничной площадке она внимательно огляделась. Вроде бы все было как прежде, и даже банка из под консервированного горошка, приспособленная соседом под пепельницу, красовалась на своем месте, и все 5 дверей ее лестничной площадки были там же и в точности такими же, как Аня это помнила. Впрочем, она уже ни в чем не была уверена, холодок тревоги прочно захватил область ее сердца, и она сейчас уже точно не могла сказать, в какой из этих 5 квартир проживает. А может это вообще не тот подъезд и не тот этаж... положи руку на сердце, она уже и этого с полной уверенностью не могла сказать, как не могла сейчас никак вспомнить номер своей квартиры: на память упорно приходили несколько номеров и какой из них является номером ее квартиры она не знала. Может это квартиры ее друзей? Родственников? Этого она также не могла вспомнить.

– Стоп, – сказала себе девушка, успокаивайся, ты же совсем недавно по самым жутким уголкам inferно разгуливала и даже глазом не моргнула, а сейчас начинаешь паниковать. Так не годится, надо успокоиться и понять, где произошла ошибка. Наверняка я просто не в ту квартиру вошла, ведь в астрале голова работает как-то по-другому, вот я и перепутала двери. Кстати, когда я с Огневицей по шеолам путешествовала, чувство страха было мне не присуще, а сейчас – квартиру перепутала и запаниковала, а ведь я сейчас тоже в астрале нахожусь! Наверное все дело в том, что я воссоединилась со своим плотным телом и это негативно сказывается на чувствах шельта, – тогда ведь я от тела как бы отдельно была.

Аня немного успокоилась и снова начала рассматривать темные прямоугольники дверей. Нет, все-таки она была в своей квартире, и неуверенность, что она все перепутала возникла из-за страха: это и ее подъезд, и этаж и квартира – сомнений нет, и все же там явно живут другие люди. Так что же делать? Можно, конечно, обойти все квартиры этажа и даже подъезда, но это означает расписаться в собственной неадекватности и в том, что ее память в астрале не имеет никакого отношения к реальности, а значит и искать что-либо бесполезно. Остается только ждать, когда этот кошмар закончится, как когда-нибудь заканчивается любой сон. А если

не закончится? Ведь то, как она ощущает себя сейчас и то, что обычно чувствовала во сне сильно отличается друг от друга! Когда раньше, 11 лет назад она множество раз выходила в астрал, то всегда в ней присутствовало ощущение, что путешествие можно прервать в любой момент. Но совсем другое дело – ее путешествие с Огневицей по шеолам – тогда у нее этого чувства не было вплоть до момента, когда она нырнула в рубиновую рябь – вернуться в тело тогда было так же невозможно, как покойнику. А сейчас? Сейчас, похоже, то же самое.

Аня внутренне напряглась, вызвав в себе определенное возбуждение, которое в детстве всегда возвращало ее в физическое тело, когда в астрале она оказывалась в какой-то неприятной ситуации. На этот раз все было тщетно. Это напугало Аню еще больше, поскольку стало ясным, что в ближайшее время ее ожидает совершенно неясная перспектива.

– Может я все-таки умерла? – безнадежно подумала девушка, – что ж, это хоть какая-то ясность и можно хотя бы приблизительно представить, что меня ожидает в ближайшем будущем. В течении 9 дней я должна находится вблизи своего тела, затем, 40 дней – в земном пространстве, вернее в ближайшем к Энрофу отражении – это где я сейчас нахожусь, а затем, в зависимости от того, праведную или грешную жизнь я прожила, пойду либо по нисходящему ряду шеолов, пока груз кармы не уравнивается глубиной погружения, либо, если жизнь была праведной, пройду через чистилища и вознесусь в райские эмпиреи. Что ж, в аду я уже была, причем, в самых нижних, самых тяжелых слоях, и не думаю, что я так нагрешила, что вновь туда попаду – уже не в качестве наблюдателя. С другой стороны и святой праведницей меня никак нельзя назвать! Я и ленива, и безинициативна, и последнюю рубашку для страждущего никогда с себя не снимала – обычная серенькая мышка, мечтающая о прекрасном принце и дальних мирах. Разумеется, последние три дня все перевернули, но слишком мало времени прошло, чтобы я как-то особенно себя проявила – только брата перепугала, что, кстати тоже меня не с лучшей стороны показывает – я без зазрения совести пользовалась своими паранормальными способностями. Так что, как ни крути, райские эмпиреи мне явно не светят. Скорее всего дело ограничится какими-то верхними инфернальными слоями с последующим новым воплощением после развязывания кармических узелков. Что ж, после того, что я видела в Пропулке, Укравайре и Гвэгре, думаю, все будет уже не так страшно, хотя – одно дело быть зрителем, а другое – актером. Впрочем, еще не факт, что я умерла! Да и с чего это вдруг: ну, втянуло мой шельт зеркало, ну, перекинуло в чужую жизнь, почему я должна считать, что мои земные сроки вышли? Возможно просто я в более глубоком астральном выходе нахожусь, чем это в детстве было, поэтому и вернуться по желанию не могу, а значит рано или поздно выход все равно закончится, и я очнусь в своей квартире как после глубокого сна.

Поскольку надо было хоть что-то делать, Аня обошла оставшиеся квартиры на этаже, но как и в первом случае, ее осмотр ограничился коридором, и она даже не стала выяснять, кто в этих квартирах проживает, поскольку они отличались планировкой. После четырех неудачных попыток, Аня вновь вернулась к 34 квартире, где хотя бы планировка коридора и расположение дверей совпадали с ее жилищем. У нее вновь возникла уверенность, что в первый раз она не ошиблась и эта дверь – дверь в ее квартиру.

– Может все-таки это сон, – подумала девушка, – и тут все как во сне меняется. А вдруг я еще раз зайду в 34 квартиру и это окажется моя квартира, а в прошлый раз мне этот шкаф и вешалка привиделись.

Аня сделала вторую попытку. Увы – все тот же современный шкаф и вешалка, которые Аня видела в первый раз, оставались на месте, однако в этот раз что-то в этой вешалке Аню привлекло. Неожиданно она увидела хорошо знакомое мамино зимнее пальто с норковым воротником. Не что-то похожее, а именно то самое, которое в реальности до сих пор висело в платяном шкафу и Аня после смерти мамы все никак не решалась его убрать. Да и вообще, что с ним теперь делать она не знала, поскольку носить его она не могла, а отдать кому-то из родственников считала кощунственным. Впрочем Юре она может его и отдала бы, но не сен-

тиментальному брату это старье было совершенно не нужно ни как память, ни как полезная вещь.

– Так, так, – подумала Аня, – похоже, не все так просто, как мне показалось на первый взгляд. Несмотря на то, что в коридоре другая мебель, на вешалке-то именно мамино пальто висит!

Она внимательно оглядела вешалку с другой стороны и выяснилось, что там так же висит мамин плащ, который был не виден со стороны двери, а на верхних рогах расположилась мамина норковая шапка-берет. Не зная, что думать по этому поводу, Аня с замиранием сердца прошла сквозь дверь в комнату и застыла оторопев. Посреди комнаты стояла большая двуспальная кровать и на ней спали двое немолодых людей, одним из которых была Анина мама, а другим – увы – не папа, а какой-то незнакомый мужчина примерно маминого возраста. К такому повороту событий Аня была совершенно не готова: мало того, что мама жива, она, к тому же, оказалась еще и замужем за совершенно незнакомым дяденькой, который даже ни капли не напоминал Аниного отца, который, будь он жив, к тому же был бы гораздо его старше. Кстати, кровать, на которой спали эти люди, была знакома Ане по ее прежней жизни, да и тот стол у окна был их столом, правда ту горку и сервант она видела впервые. Словно часть вещей перенеслась сюда из Аниного прошлого, а часть имело совершенно неизвестное происхождение.

– Что же это получается, – не могла прийти в себя девушка, – куда же это я попала?! Ведь мама умерла около двух недель назад, а этого мужчину я впервые вижу. После смерти папы мама так и осталась одна, посвятила себя мне и Юре. Хотя... на сто процентов быть уверенной нельзя, возможно кто-то у нее и был, но она это тщательно скрывала! Я ведь подозревала что у нее роман на работе, она ведь еще не была старой, – (после смерти отца, мама, лишившись кормильца, пошла работать). – Прочем, какое отношение имеет ее тот предполагаемый роман к этому мужчине – неизвестно, она ведь никого никогда в дом не приводила. Очевидно, вся эта нелепица объясняется совсем просто: астральный выход и сон – вещи достаточно схожие, и несмотря на то, что мое сознание ясно, как днем, я все-таки вижу сон, а во сне можно увидеть кого угодно – даже умершую маму с незнакомым мужчиной в одной постели. Но если есть мама, значит есть я или, на худой конец, Юра, и вполне возможно, что либо я либо он находятся в соседней комнате. Чушь какая-то... впрочем, если я сплю, то, разумеется, там себя не обнаружу, а если это астральный выход, то вполне возможно, что в соседней комнате лежит мое физическое тело!

Аня подошла к кровати почти вплотную. Да, сомнений нет, это ее мама, примерно в том возрасте в каком ушла из жизни две недели назад, правда выглядит она здесь гораздо лучше, похоже, здесь она не болеет, а настоящая Анина мама перед смертью очень сильно исхудала.

Ане стало неприятно видеть полуобнаженную маму рядом с этим незнакомым мужчиной, и она поспешила покинуть комнату даже не постаравшись вступить с мамой в какой-либо контакт... ну, хотя бы войти в ее сон, как она входила в сон жены Андрея. Вон – и опалесцирующий шарик на серебряной нити витал под потолком над мамой...

– Это не мама, – вдруг подумала Аня, – просто очень похожая женщина...

Больше к этому определению она ничего придумать не смогла, да и попытка убедить себя была достаточно жалкой, и с замиранием сердца Аня сквозь стену прошла в соседнюю комнату: а вдруг в соседней комнате окажется она сама, ее физическое тело – и что тогда прикажете делать? Возвращаться в это тело, в другую судьбу, где она возможно и совсем не та, что есть... но тогда и тело должно быть кого-то другого! Нет, это невозможно в голову взять! С другой стороны в этой реальности мама жива – правда замужем или просто сожительствует с кем-то неизвестным... Неужели это – ее отец в другой версии?! Нет, тогда она – точно не она, поскольку в той жизни больше походила на папу.

Тут только она поняла, что увлеченная своими мыслями, она уже давно прошла в соседнюю комнату, и то ли с облегчением, то ли с сожалением вздохнула: в соседней комнате на кровати спал мальчишка, лет восьми, Ане совсем незнакомый, и слава Богу, это хотя бы решало ту проблему, что тело – не ее, а следовательно и не стоит вопрос о том, чтобы проснуться сегодня утром совсем в иной реальности. . . правда, в реальности, где мама жива и, судя по всему, здорова.

Тут внимание Ани привлек еще один аксессуар квартиры, вид которого заставил ее вздрогнуть: у стены напротив стояло старинное зеркало одного взгляда на которое было достаточно, чтобы его узнать. Это было фамильное зеркало Ромашовых по маминной линии – работы французского краснодеревца Буля, поставщика двора его величества.

– Значит и зеркало в наличие, – мелькнуло в голове у Ани, – что-то мне подсказывает, что в нем-то все и дело!

Не раздумывая ни минуты, забыв про незнакомую мальчишку и маму, лежащую с незнакомым мужчиной, Аня шагнула к зеркалу и дотронулась до ее полированной поверхности. . . собственно, прикосновения как такового она не почувствовала. В то же мгновение какая-то неведомая сила втянула ее руку внутрь зеркала, сознание затуманилось, и последнее, что она успела подумать: «Слава Богу, кажется я возвращаюсь домой!»

С этими мыслями она утратила мироощущение.

## ГЛАВА 3. Отдел кадров

Сознание вернулось без каких-либо предвестников: Аня просто открыла глаза, почувствовала на щеке жесткий ворс старого, вытоптанного ковра, и первая мысль, которая посетила ее в ответ на первое телесное ощущение была: «Где я»?

Аня с трудом поднялась с пола. Все ее тело занемело от долгого лежания в неудобной позе на жестком ковре, и эти ощущения – достаточно неприятные – пролились по ее нервным окончаниям сладким бальзамом: такие ощущения могли возникнуть только в плотном, физическом теле, а значит можно быть уверенным, что вся ее астральная муть наконец-то рассеялась. Окончательным тому подтверждением была гравитация, которая значительно отличалась от давящей тяжести, иногда возникавшей в астрале в первые минуты выхода из тела.

В комнате было совсем темно, и, судя по тишине за окнами, на дворе стояла вторая половина ночи. Аня глянула на светящиеся стрелки своего Ориента: что-то около четырех, а в зеркало ее затянуло где-то в районе 22—23 – точно она не могла припомнить, значит, если вновь не произошло чего-то сверхординарного, как тогда на лавочке, она отсутствовала в своем теле около 6—7 часов. Если, конечно, не отсутствовала вместе с телом, как тогда, поскольку последнее, что она помнила – это как коснулась пальцем зеркала и, как ей показалось, что в зазеркалье ее втянуло всю, без остатка. Правда все дальнейшее происходило в тонком теле, а тот период, пока она присутствовала в бодрствующем теле Андрея, она вообще собственную индивидуальность воспринимала только как сознание.

Тут Аня вспомнила, как оказалась в квартире, наполовину ее и наполовину – не ее, где преспокойно жива и здорова проживала ее недавно умершая мама, вместе с незнакомым мужчиной и таким же незнакомым мужчиной, и сердце ее похолодело: все это так мало походило на сон и обычный астральный выход, что девушка тут же включила свет и начала беспокойно оглядываться – а вдруг! Но этого «вдруг», которого толи нужно было бояться, толи, наоборот, радоваться, не случилось.

Это была ее собственная квартира, оставшаяся после смерти мамы в ее полном распоряжении и рядом стояла пустая кровать, где спала она одна, не с кем ее не деля, а в соседней комнате не было ни мамы, ни незнакомою мужчины, и все вещи и мебель стояли на своих местах, а значит она вернулась наконец в свою реальность. Но теперь выяснилось, что эта реальность не единственная, и существует мир, в котором ее мама жива-здорова, рядом с которой – увы – нет ее, Ани, а есть какой-то дядька и незнакомый мальчишка. Впрочем, тут все не ясно – живет ли в этом мире ее брат Юра, ведь он вполне может проживать в другой квартире, и живет ли там ее, Анин двойник? Она ведь тоже может проживать в другом месте, ведь ясно, что этот мамин ребенок достаточно поздний, и не исключено, что у этой квази-мамы вполне могут быть взрослые дети, если представить себе сценарий, что в этом параллельном мире она вначале была замужем за папой, а после его смерти вышла замуж за этого мужика.

Да, запутанная история, и тут она имела дело не с какими-то астральными сущностями, ведь после выхода из тела она все время пребывала в ближайшем отражении Энрофа, где наблюдается отраженная проекция физической реальности, и мама в иной реальности тоже была отражением, но не самостоятельной энергоинформационной сущностью, которые и вправду порой маскируются под родных и близких.

Что ж – еще одна загадка, ее необходимо разгадать, а значит в ближайшее время скучно не будет. И все-таки, чем больше девушка успокаивалась по поводу своего возвращения на круги своя, тем больше в ее сердце вонзалась игла сожаления: а ведь совсем недавно она все на свете готова была отдать, не торгуясь и не раздумывая, лишь бы снова оказаться со своей мамой! Но когда выяснилось, что где-то в неведомой параллельной реальности мама жива и здорова, то она, ее родная дочь вдруг испугалась этого факта и была рада радехонька, что

возвратилась в свой мир, где мамы нет уже две недели. Впрочем, с другой стороны, велика вероятность, что никакой дочери Ани у этой женщины – точной копии ее мамы – вообще нет, и окажись Аня там в своем физическом теле, то за кого бы ее приняла та копия? За воровку-аферистку? А если допустить версию, что в той реальности существует другая Аня, то каково было бы им встретиться? Правда в восьмилетнем возрасте ей приходилось видеть себя со стороны во время экскурсии в будущее, но тогда она была бесплотным духом и более старший двойник не догадывался о ее существовании. Впрочем теперь все было уже позади, и чудом воскресшая мама вместе с другой семьей растаяла, словно сон – да это и был по сути дела сон. Теперь последняя возможность проверить достоверность ночных событий – это найти адрес Андрея Данилова. К счастью Аня его тут же вспомнила, да и дом этот она хорошо знала, так случилось, что она проезжала это место неоднократно, да и проходила мимо не раз. Интересно, это случайность или нет? Правда существовала некоторая неувязочка с названием улицы, и Аня была абсолютно уверена, что это ул. Королева, а не Келдыша, как было написано на фасаде здания в астрале. Остается прийти и позвонить... хотя, конечно, безумно неудобно, но если Андрея там не окажется – всегда можно сослаться, что ошиблась адресом. Конечно, жалко, что в астрале она не сообразила спросить у Андрея номер его телефона – тогда было бы совсем просто – но чего не случилось, того не случилось. Нет, как бы ни было неудобно, сегодня утром она туда обязательно ходит! Хотя утром он может учиться или работать, она даже не знает, чем он занимается, но, судя по всему, школу уже должен закончить. Значит надо идти вечером, к тому же (вылетело из головы) сегодня утром она должна быть в отделе кадров, устраиваться в эту Юрину лабораторию. Но работать сегодня еще не надо будет, заявление она напишет с завтрашнего дня, значит весь день будет свободен, и лучше всего сегодня все прояснить. Интересно, а вдруг откроет жена Андрея? Тогда точно будет неудобно его звать – мало ли что она подумает, приревнует небось! Значит при таком раскладе его надо будет в дальнейшем одного отлавливать... а жене сказать, что ошиблась адресом. Кстати, еще нет стопроцентной уверенности, что она узнает жену, совсем не обязательно она должна ходить на ту Мессалину в окружении голых атлетов, человек во сне себя склонен приукрашать.

Размышляя таким образом, Аня постелила постель и улеглась досыпать, поскольку астральное путешествие в полной мере сон не заменяло. Юра сказал, что особенно рано в отдел кадров являться не стоит, кадровичка сама вовремя на работу никогда не приходит, так что если она явится на Гилляровского часов в одиннадцать, будет в самый раз. Впрочем, Юра позвонит и сам ее отведет, иначе на пальцах долго объяснять, как он говорил. Хорошо еще что кадры отдельно от лаборатории, иначе бы пропуск надо было бы заказывать...

С этими мыслями Аня уснула и проснулась от телефонного звонка, и поскольку сон ее был глубоким и без сновидений, она какое-то время не могла сообразить, что это за звонок и какое он к ней имеет отношение. К счастью омут глубокого сна быстро отпустил. Она подняла трубку и услышала голос брата:

– Чего так долго не отвечаешь? Дрыхнешь еще? Между прочим, уже 10 часов, забыла, что надо в отдел кадров идти? Ладно, не волнуйся, я договорился на полдвенадцатого, тебя там ждут, а идти тебе от дома максимум 20 минут, так что не торопись, завтракай, приводи себя в порядок и в полдвенадцатого я жду тебя у подъезда на Гилляровского – это следующий дом после нашей лаборатории – ты знаешь где.

С этими словами Юра повесил трубку.

– Я же сегодня в лабораторию устраиваюсь! – вспомнила Аня, в свою очередь вешая трубку, – надо же, как крепко спала, даже ни одного сна припомнить не могу – а ведь почти всегда помню! Ладно, свою дозу сновидений я в первой половине ночи получила – этого вполне достаточно, хотя трудно это обычными сновидениями назвать. Вот сегодня и проверю: если в этой квартире действительно живет тот человек, которого я столько лет во сне вижу, значит это ночное происшествие никак сном назвать нельзя, если же кто-то другой... но допустим

невероятное – что я ему скажу? «Здрасьте, я вас много лет во сне видела, разрешите представиться, мы вчера вместе в астрале разгуливали, заходили в сон к вашей жене и застали ее там с кучей поклонников... можно еще добавить, что я в его голову через зеркало попала! Да, шизофрения полная! Но если он все это помнит – какая удивительная встреча будет, даже представить трудно, во что дальше будет! Но хватит фантазировать, сначала вопрос с работой надо решить, а на эту Королева-Келдыша вечером, когда большинство с работы-учебы приходят. Кстати, интересно, чем Андрей в жизни занимается? В астрале он чем-то Гамлета напоминает, может он актер? Все, успокаиваемся, скорее всего никакого Андрея я там и не увижу...

Аня постаралась унять разгулявшееся воображение и занялась утренним туалетом, позавтракала, слегка накрасилась и около одиннадцати вышла из дома.

Юра уже ждал ее у нужного подъезда, где красовалась табличка, ничего не говорящая о истинной сути проблематики, которой занимается данное учреждение. Полного содержания ее Аня при беглом взгляде не запомнила – какой-то филиал Московского авиационно-технологического института, и что-то там связанное с материальной частью. Брат, чмокнув сестру в щеку, тут же повел ее на третий этаж, затем по длинному коридору, в конце которого оказалась дверь с табличкой «начальник отдела кадров Т. В. Миронова», и без стука завел Аню в эту дверь, бегло бросив полной, средних лет даме, сидящей за единственным столом и решающей кроссворд:

– Тамара Владимировна, это та девочка, о которой шеф говорил, оформите ее на ставку лаборантом в лабораторию биолокации.

– Я все прекрасно помню, что Василий Сергеевич говорил, – строго отреагировала дама, пряча легкомысленный кроссворд под стопку бланков, – проходите, милая, а вы, Юрий Михайлович можете за дверью подождать. Вы ее сразу на рабочее место поведете?

– Да, нет, сегодня – пусть отдыхает, вы ее все равно завтрашним днем оформляете, так что вы ей на завтра временный пропуск выпишете, пока постоянный изготовят. Ты – обратился он к Ане, – после оформления – домой иди, я сегодня занят по горло, совещание у шефа и все такое... я тебе вечером позвоню.

Произнося эту фразу, Юра жестом фокусника извлек из кармана плитку шоколада и положил на стол начальнице отдела кадров:

– Заранее благодарен, это вам к чаю, – прокомментировал он свой стандартный жест.

– Что вы, не надо, – опустила густо накрашенные ресницы Тамара Владимировна, без промедления пряча шоколадку в стол, – а вы, девушка, – присаживайтесь, заполняйте бланки, пишите заявление, вот ручка, бумага.

Юра исчез за дверью, а Аня на ближайшие сорок минут была занята написанием заявления под диктовку кадровички, заполнением всяких анкет, в том числе и зловещего документа об ответственности за разглашение сведений, которые она может получить в процессе трудовой деятельности и которые могут составлять предмет государственной тайны, о чем она получит соответствующую детальную инструкцию на рабочем месте.

Получив временный пропуск на три дня (срок изготовления постоянного), Аня собралась было уходить, как вдруг кадровичка живым, полным интереса голосом спросила:

– Вы, девушка, на чем специализируетесь? – (до этого нужные стандартные фразы по правильному заполнению анкет, она произносила монотонным бездушным голосом, который, казалось, с одинаковой интонацией огласит и смертный приговор, и присуждение Ленинской премии).

– Как, на чем? – не поняла Аня, – год назад в ректорате секретарем работала, можно сказать, девушкой на побегушках. Так, обычные бумажные дела, я вообще-то всего полтора года после школы, образования еще не получила...

– Да я не о том, – отмахнулась Тамара Владимировна, продолжая с непонятным любопытством рассматривать Аню, – в отдел биолокации обычных людей не берут – ни с образова-

нием, ни без. Шеф намекнул, что вы – индиго, вот я и интересуюсь, вы по какой части паранормал? Думаю, вряд ли рамочница или маятница – по этой части в основном мужчины, а вы, наверное, видящая? Врожденная сенсетива?

– Да я... – растерялась Аня, не ожидавшая такой осведомленности от кондовой администраторши (в те годы подобная осведомленность еще не приняла массовый характер, и уж тем более необычно было слышать подобные вопросы при исполнении служебных обязанностей). К тому же Юра не объяснил ей, насколько Аня может быть откровенной при поступлении на работу, поскольку, как она понимала, начальнице отдела кадров вовсе не обязательно было знать о специфике местного контингента. Юра настолько затюкал ее своими разговорами о всяких секретах, что она теперь боялась сказать лишнего – да и сама подписывала документ о неразглашении. А вдруг это была провокация?

– Даже не знаю, что вам сказать, – наконец вымучила она из себя, – наверное, это – врожденное, хотя тонкие планы я совсем недавно видеть стала.

– Значит, спонтанка, – про себя прокомментировала Тамара Владимировна, – небось клиническую смерть пережили или травму головы?

– Да нет, с чего вы взяли? – смутилась Аня.

– Так спонтанка, обычно, сама по себе не проявляется, – с видом знатока заключила кадровичка, – обычно либо клиническая смерть, либо какое-то другое пограничное состояние. Вангу, вон, смерч затянул, после чего у нее ясновидение пробудилось. Это у взрослых людей ни с того ни с сего не открывается, разве что у йогов, или у каких других, кто медитациями занимается, но это уже не спонтанка, а целенаправленное раскрытие чакр.

– Не знаю, – растерялась Аня, – когда-то в детстве у меня было ясновидение, затем исчезло, затем – совсем недавно – снова появилось. Может, так смерть мамы повлияла...

– Такое тоже возможно, – удовлетворенно заключила кадровичка, – иногда чакры от сильного стресса открываются. А бывает – при передаче по наследству. Может у тебя мама сенсетивой была и тебе этот дар в момент смерти передала?

– Да нет, не была, не передавала.

– Тогда – от стресса, – поставила точку Тамара Владимировна, – очень любила, небось?

– Любила...

– Слушай... Анечка, – заглянула кадровичка в анкету, – а ты не могла бы меня посмотреть?

– Что значит, посмотреть?

– Ну, в плане диагностики... и вообще, по карме. Меня все наши смотрели, но все больше – общие слова, а я бы хотела поконкретней, к тому же мне интересно сопоставить, что другие говорили, и что ты скажешь?

«Начинается, – подумала Аня, – сходу – проверка на вшивость. Что ж, делать нечего, кадры обижать не стоит».

– Вообще-то я давно не диагностировала, – начала Аня, – вы наверное в курсе, что любая сенсетивная специализация постоянной тренировки требует, что бы достоверность была максимальная. А я только в детстве этим занималась, и сейчас даже забыла, как это делается.

– А ты попробуй, – настаивала Тамара Владимировна, – я же тебя не съем, если ошибешься. К тому же все, кто меня смотрел, по многим аспектам расходились, так что я и не жду стопроцентного попадания. Да я и сама точно своего диагноза не знаю.

– Хорошо, попробую, – сказала Аня, – но я не уверена, что у меня получится...

– Да ты не скромничай, – ободрила ее кадровичка, – я понимаю, что продемонстрировать ясновидение третьему лицу труднее, чем без свидетелей. Чем больше боишься совершить ошибку, тем большая вероятность ее совершить. Как сидеть? Руки не скрещивать, или тебе все равно? Ты рукой смотришь или на ментале? Может тебе листики с человеческими фигурками нужны? Так у меня есть отксеренные.

– Да не надо ничего, я, честно говоря, и не знаю, как правильно...

Тамара Владимировна приняла расслабленную позу на своем рабочем кресле, свесив руки вдоль тела (очевидно все предыдущие диагносты требовали, чтобы она не скрещивала руки и ноги, чтобы не исказить ход энергии цы). Аня закрыла глаза и сдвинула точку сборки на восприятие патологических изменений в организме женщины. Тут же на ее внутреннем экране возник дымный фантом, на котором появилось несколько темных пятен разных размеров и интенсивности: в области сердца, печени, грудного отдела позвоночника, левой почки. Так же оказалось диффузное затемнение в левой височной области и область щитовидной железы. Затем стала приходить абстрактная информация, что легкий жировой гепатоз печени связан с негативными эмоциями по поводу своего прошлого, что в желчном пузыре сидят четыре камня размером с косточки вишен, и к этому привела привычка злословить о людях, легкая ишемия сердца, проявляющаяся пока в виде быстро проходящих болей за грудиной с иррадиацией в левую руку – результат неуверенности и страха перед будущим, а камни в левой почке – следствие нескольких аборт. Каких-то смертельных недугов или риска ракового заболевания на ней пока не висели, наибольшую опасность в настоящее время представлял желчный пузырь, и Аня почувствовала, что через полгода у Тамары Владимировны начнутся колики, что приведет к последующему удалению желчного пузыря, а вот левая почка – напротив – опасности пока не представляла, и в ближайшее время камни выходить не собирались. Попутно Аня узнала, что Тамара Владимировна во втором браке, что от первого брака у нее взрослая дочь, а от второго – мальчишка-школьник, что работа в качестве начальника отдела кадров ей не особенно нравится, и что она, как ей кажется, заслуживает лучшей доли, но какой именно, было не ясно. Здесь же она просиживает юбку только из-за своего живого интереса к вопросам паранормального, поскольку ее окружают люди, этими вопросами вплотную занимающиеся. Правда она была уверена, что настоящих, потомственных экстрасенсов на этой фирме нет – никто правильно не смог назвать ее болезни... и эта пигалица, небось, толком ничего не умеет, братец ее пристраивает!

Потом фигура с затемнениями исчезла и пошли астрологические схемы, которые Аня отчетливо видела перед мысленным экраном, но мало что понимала, поскольку никогда не изучала астрологию – и тем не менее, она могла бы все эти схемы перерисовать, и наверняка любой астролог смог бы их расшифровать. Аня же только выяснила, что в настоящее время в зодиакальный дом кадровички зашел Сатурн, и нынешнее обострение щитовидной железы в виде тиреотоксикоза связано с тем что ее душит эта планета, а камни в почке ей в свое время устроила Венера. А вот конфликт в отношениях с мужем, с которым она уже месяц не делит супружеское ложе, устроила, тем не менее, не Венера а разлад по Марсу. Было и еще несколько астрологических схем, но они касались будущего Тамары Владимировны, причем, не очень радужного, и Аня дала мысленную команду убрать астрологический аспект ее заболеваний и судьбы, поскольку о просмотре будущего ее кадровичка не просила. Тут же спонтанно пошла новая информация, касающаяся еще одного аспекта возникновения болезней Тамары Владимировны, имеющий отношение к прежней ее реинкарнации в облике простой крепостной крестьянки, проживавшей в начале 19 века в деревне Лебядкино Тульской губернии, где ее за какую-то провинность крепко выпороли розгами по спине. Это отдаленное событие привело к раннему развитию остеохондроза в настоящем воплощении, который периодически проявляется тянущими болями в осенне-весенний период, а так же острым люмбаго в текущем году. Были также аналогичные объяснения и какому-то другому заболеванию, но Аня не стала их запоминать, поскольку ей показалось, что все эти бытовые несчастья и неурядицы в жизни какой-то Дарьи Хомутовой в начале прошлого века как-то малоубедительны и бездоказательны. Более убедительным ей показался наследственный фактор, который ей был продемонстрирован после того, как закончился показ перипетий многострадальной Дарьи Хомутовой. (Касаемо этой давно почившей бозе крестьянки был так же продемонстрирован сюжет,

объяснявший причины столь горькой ее судьбы. Оказывается в предыдущем своем воплощении она была богатой помещицей-самодуркой, которая по своим злодеяниям, конечно не могла сравниться со знаменитой Салтычихой, однако же тоже немало обижала и порола своих крестьян. За это по принципу воздаяния в следующем воплощении она уже сама родилась крестьянкой, чтобы на своей шкуре испытать то, что испытывали ее жертвы. Однако тот факт, что сама Дарья Хомутова умерла сравнительно молодой, привело к тому, что часть негативной кармы при жизни не была нейтрализована, и досталась, как бесплатный довесок уже Тамаре Владимировне). Под конец пришла информация, что все болезни кадровички, которые Аня у той усмотрела, в большей степени потенциальны, то есть сформированы в основном на тонком плане и еще не достаточно вгрызлись в ее физическую плоть, но что в старости ей придется достаточно основательно от них помучиться, если она в ближайшее время не изменит свое отношение к жизни. На вопрос Ани, что именно должна Тамара Владимировна изменить, пришел ответ, что негативная кармическая информация, хранящаяся в каузальном теле, находит проявление на физическом плане через два канала, поскольку у Тамары Владимировны сильны информационные зацепки на астральном и ментальном планах. Эти зацепки и формируют тоннели перехода по которым негативная информация переходит на физический план из каузального плана. Если убрать зацепки, то исчезнут и каналы, по которым сбрасывается негативная информация сначала на тонкий план, а затем и на физическое тело. На вопрос Ани в чем выражаются зацепки, пришел ответ, что на физическом плане зацепки формируются сильным недовольством своим материальным уровнем жизни и завистью к некоторым знакомым, у которых, с ее точки зрения, все в шоколаде, – то есть зацепка за материальные ценности. А на человеческом плане у нее зацепки за волю, принципы, цели и способности, сформированные из разочарования в своих интеллектуальных способностях, и невозможности отказаться от привычки рефлексироваться, что, как ей кажется, лишает ее внутренней свободы и превращает ее жизнь в скучную череду повторов, лишая ее романтики и новизны, где все, что происходит, происходит по привычке. Аня спросила, какое возможно лечение, и пришел ответ, что все проблемы могут уйти, если формировать в себе Божественную Любовь, которая подчиняет все остальные чувства, но на вопрос, возможно ли это в данном случае, пришел ответ, что нет, невозможно, поскольку духовный потенциал, позволяющий проявить такую любовь, у нее достаточно низок. Именно поэтому все проблемы, показанные Ане, как некая система проявленности и потенциалов, при данной ситуации неизбежны и неотвратимы.

Аня спросила, может ли она чем-то помочь Тамаре Владимировне, и пришел ответ, что экстрасенс уровня Ани мог бы без труда все проявления болезней снять, и какое-то время самочувствие Тамары Владимировны было бы прекрасным, но беда в том, что в этом случае у нее разовьется рак, поскольку все то, что было ранее перечислено и предохраняет Тамару Владимировну от этого смертельного заболевания, поскольку в случае идеального здоровья у нее разовьется зацепка за духовность, от коей ее бережет недовольство своим физическим состоянием. В случае же зацепки за духовность начнется реализовываться раковая программа, привнесенная неким фактором извне, о чем информация в данный момент недоступна. Известно только, что это местный фактор, который прекратит действие, как только Тамара Владимировна уйдет с этого места работы. При таком раскладе снятие прочих болезнетворных программ не приведет к развитию онкологии. На более настойчивый Анин вопрос, что это за местный фактор, снова прозвучал ответ, что информация недоступна.

Все это пролетело перед Аниным мысленным взором в считанные минуты, поскольку восприятие шло на несловесном уровне, и информация приходила просто как знание, не зацепленное за слова. В результате перед Аней предстала нелегкая дилемма, о чем говорить, а о чем умолчать, так как она чувствовала, что излишняя откровенность может вызвать недовольство и неприязнь со стороны кадровички. К тому же половина проблем, которые были Ане продемонстрированы, не проявлялись еще в виде конкретных симптомов и существовали потенци-

ально, и о них так же не корректно было говорить, поскольку Тамара Владимировна сочла бы это просто выдумкой или плохой компетентностью диагноста. Поэтому Аня еще раз просмотрела только проявленные на физическом плане болезни и подробно их кадровичке описала, в том числе упомянув о причинах, но только в тех случаях, когда причины были достаточно корректны, и не затрагивали щекотливых моментов личной жизни и тайных комплексов женщины.

Как бы то ни было, Тамара Владимировна, похоже, была довольна результатом и, самое главное, тем, как Аня это изложила.

– Просто удивительно, – сказала она, когда девушка замолчала, хотя могла бы еще час излагать то, о чем умолчала, – никто еще так точно и без всяких дурацких некорректных комментариев меня не диагностировал, а уж я, поверьте, немало сенсов на своем веку повидала, а так же колдунов, магов, шаманов и гадалок всяких.

Аня ожидала, что Тамара Владимировна начнет к ней приставать с лечением и пыталась сообразить, как хотя бы сегодня ответить отказом, однако в этот момент позвонил телефон, и кадровичка после нескольких фраз типа: «Да, Василий Сергеевич, нет, не знаю, сейчас буду, Василий Сергеевич», – повесила трубку и с явным сожалением сказала:

– Шеф срочно вызывает, надо бежать на ковер. Ну, мы с вами, Анечка, все бумаги заполнили, так что можете идти. Пропуск временный к вечеру будет готов, так что вам надо будет ко мне перед работой заскочить, а постоянный через три дня сможете получить. Так что завтра к 9, хотя бы поначалу не опаздывайте. А вообще-то в отделе поисковиков, куда мы вас зачислили, все в постоянных разъездах и рабочий день не лимитирован, так что на минуты там особенно не смотрят, там, собственно, в отделе, кроме как электронщикам особенно и делать нечего, разве что отчеты писать, но это можно и дома, а в основном полевая работа. Ладно, убегаю, до завтра.

Это Тамара Владимировна говорила уже выходя вместе с Аней в коридор и запирая дверь, после чего скрылась из глав в лестничном пролете, Аня же, поскольку Юра ей больше ничего не сказал – о том, что зайдет за ней после отдела кадров и поведет на предварительное собеседование, о чем, как ей казалось, он говорил в начале, отправилась домой.

К этому времени чуть потеплело и сухая звенящая морозная погода сменилась на мокрый снег и пронизывающий ветер, поэтому первоначальное желание прогуляться у Ани пропало и она даже проехала 3 остановки на автобусе, хотя идти до дома тут было не более 20 минут, и при другой погоде она несомненно бы отправилась домой пешком.

#### ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

#### ТАИНСТВЕННАЯ КВАРТИРА

Дома Аня снова вспомнила о мероприятии, которое наметила на вечер, и почувствовала какую-то неадекватную тревогу по этому поводу. Ведь и правда, подумаешь: прийти и позвонить, а дальше вести себя в зависимости от ситуации! Однако почему-то полезли мысли оставить все, как есть, либо пойти завтра, когда погода будет получше, а сейчас, мол, на улицу хороший хозяин собаку не выведет.

Однако Аня хорошо знала, что все равно сделает так, как решила, что бы ни пыталась присоветовать ее вечно осторожничающая, боящаяся перемен половинка, которая в какой-то момент обретя голос полной личности обиделась и заявила, что она в принципе не против сходить на улицу Королева, Келдыша или как там, бишь, ее, но просто предчувствует, что никого ее интересующего по данному адресу не окажется! И так ясно, что все, что с ней произошло ночью – не более, чем сон, а значит она просто без толку потратит время! А при нынешней погоде еще и промокнет, продрогнет на остановке, расстроится, что никакого Андрея там нет, и от расстройства, возможно, заболит, поскольку, как она сегодня убедилась при диагно-

стике кадровички, все болезни имеют ментальное происхождение. К тому же она сразу, сегодня лишит себя надежды на возможность найти на земле своего принца, а так, с надеждой было бы куда веселее и полноценнее жить в этом обманчивом мире.

Аня проволновалась до самого вечера, не имея возможности ни толком почитать, ни посмотреть телевизор, поскольку мысли ее были все время в другом месте, и в 5 часов, как она и наметила, вышла из дома. Простояв на остановке 20 минут, как ее и предупреждала ее критическая половинка и изрядно продрогнув, поскольку погода так и не изменилась, она влезла в переполненный раздраженными пассажирами автобус и через 10 минут была уже на месте. Нужная улица называлась улицей Королева, а не Келдыша, хотя в остальном все выглядела точно также, как она видела ночью. Это было то самое место и тот самый дом и подъезд, в котором находилась та самая квартира, но Аня долго не решалась войти в парадную, в те времена пока еще не оснащенную кодовым замком.

– Так, – думала Аня, – если сейчас откроет Андрей, я так и говорю: «Здравствуй, Андрей, я – Аня». Это конечно глупо, но ничего лучше в этой глупой ситуации и не придумаешь. А дальше по обстоятельствам – если он меня узнает, а это будет видно, тогда можно и про сон, и про астральные выходы и про море Вечности – думаю, в этом случае впечатление будет ошеломляющим. Если же все-таки будет он, но не узнает, тогда – сложнее. Естественно, отступить будет нельзя, и необходимо будет найти какую-то зацепку, чтобы продолжить разговор, наверняка найдется какой-то способ, чтобы заставить его вспомнить, ведь не могло же все случившееся ночью в астрале быть в одностороннем порядке! Просто человек может не помнить, что было с его шельтом в другом измерении, как не помнила я о путешествиях моей знающей половинки все 11 лет. Так что, если он не помнит, я сразу же должна найти способ пробудить его память, и в этом мне просто обязано помочь мое ясновидение. Теперь, если откроет дверь его жена Лена – что в этом случае мне говорить? Во-первых, не известно, узнаю ли я ее, может во сне она выглядела по-другому, – но и здесь меня должно выручить ясновидение, но тут уже неизвестно, какова будет ее реакция? Если я позову Андрея и выяснится, что никакого Андрея нет – тогда все просто – до свидания, квартирой ошиблась, но если Андрей будет дома, не полезет ли она на меня с кулаками? Да, ситуация... ладно, сколько ни планируй, всего не предусмотритишь! – и Аня, словно в омут, решительно вошла в подъезд.

В подъезде ее тревога еще больше усилилась, хотя вроде бы никакого нового повода для этого не было, но мысль бросить свою затею и бежать отсюда стремглав, все настойчивее стучалось в ее сердце, причем никаких аргументов для паники она не предъявляла.

– Ну знаешь, милая, – разозлилась Аня сама на себя, – это уже слишком! Совершенно банальная ситуация: чего страшного? Ошиблась дверью – и пошла домой, а паника, словно предстоит первый раз с парашютом прыгать. Но нет, как бы меня ни колдобило, то что я задумала – сделаю, что бы тут мои дурацкие допотопные инстинкты ни вытворяли! Они ведь даже ничего не объясняют, просто – беги и все тут!

Аня постаралась перевести свой организм на автопилот и нажала кнопку лифта, перед шахтой которого она застыла в нерешительности, и хоть чувство тревоги по-прежнему не отпускало ее, девушка вошла в кабину и поднялась, как запомнила, на 8 этаж, затем, выйдя из лифта, снова не дав себе какой-либо остановки, нажала кнопку звонка 37 квартиры. В том, что квартира именно 37 у нее не было никаких сомнений – в ее память врезались и это число и расположение двери, из которой они с Андреем выходили, будучи в астрале. Мысленно Аня уже искала всякие варианты компромисса и решила, что если на первый звонок реакции не будет, то она имеет полное право разворачиваться и идти домой, однако все произошло очень быстро, сразу же после звонка за дверью послышались шаги, дверь открылась и на пороге возникла девушка, примерно одного с Аней возраста: пышнотелая, с круглым простоватым личиком, однако весьма симпатичная, с пышной шапкой темно-каштановый вьющихся волос. Ане было достаточно одного взгляда, чтобы узнать ту, чей сон она так беспардонно посетила

сегодня ночью, хотя и с разрешения своего астрального спутника, к тому же в сердце Ани тут же возникла уверенность на уровне знания – это так, а не иначе – свойство, которое у нее появилось после воссоединения двух ее половинок. В общем Аня точно знала, что перед ней стоит Лена Данилова, жена Андрея Данилова – принца ее девичьих снов.

Полная девица в нарядном махровом халате окинула Аню удивленным взглядом, словно ожидала увидеть кого-то другого, и спросила с недоумением:

– Вы к кому?

Вариант с появлением в дверях супруги Андрея уже прокручивался ранее в голове Ани, и она так и не сумела заранее придумать, как поступить в подобном случае, поэтому первой реакцией Ани было сказать: «Извините, я ошиблась квартирой» – и побыстрее ретироваться, но в последний момент она сдержала себя, понимая, что это только все осложнит, и ей снова через какое-то время придется повторять попытку – а на это у Ани не было никакого желания, поэтому она спросила как можно более невинным голосом:

– Простите, а это разве не квартира Андрея Данилова?

– Какого Андрея Данилова? – проснулось в глазах у Лены неподдельное удивление, – мы здесь с мамой живем, я думала, что это она с работы пришла...

В этот момент у Ани возникло чувство, что она стоит на краю какой-то неведомой воронки, и если она перешагнет порог этой квартиры (правда хозяйка, похоже, не собиралась приглашать ее в дом), то она провалится в неведомую черную дыру. Аня подумала, что это чувство, пожалуй, возникало у нее и раньше, когда она только подошла к подъезду, но до сего момента просто не могла расшифровать каким-то определенным словом, и лишь сейчас у нее появилось ясное понимание, что речь идет о какой-то воронке. Мало того, она вспомнила, что такое же чувство у нее было, когда Юра излагал ей теорию черных дыр и червоточин. Тут Аня подумала о том, что время, при приближении к горизонту событий черной дыры, замедляется, правда, заметит этот феномен лишь внешний наблюдатель, а тот, кто непосредственно угодил туда – не заметит.

– Забавно, – подумала Аня, – я уже подошла к горизонту, или по-прежнему внешний наблюдатель?

Тут она поняла, что как-то неестественно долго затянулось молчание хозяйки квартиры и когда подняла на нее глаза, то сообразила, что возникшее чувство воронки у нее не случайно: Лена стояла в той же позе и с тем же выражением лица, что и минуту назад, и мало того, контуры ее фигуры стали какими-то размытыми и менее отчетливыми.

– А время-то и вправду остановилось, – подумала Аня, – ничего себе, «нехорошая квартира», – вспомнила она название главы из Мастера и Маргариты. – Может мне зайти туда, пока хозяйка застыла, может Андрей все же там, только она это почему-то скрывает?

В этот момент как-то неестественно отдаленно, словно из другой квартиры прозвучал знакомый голос:

– Ну кто там, из ЖЭКа что ли пришли?

И в проеме двери показалась знакомая фигура Андрея, оказавшаяся несколько в стороне от Леночки. Андрей был точь в точь, каким она видела его в зеркале вначале в своей квартире, затем в его, но выглядел еще более эфемерно, чем его застывшая супруга, правда фигура его, будучи прозрачной не имела размытых контуров и, в отличие от Лены, на него никак не распространялась остановка времени. Кстати, супругу свою, почти заслонившую ему дверной проем, он явно не видел, затем вовсе прошел сквозь нее и оказался на переднем плане, раздраженно рассматривая лестничную клетку и ни разу не остановив свой взгляд на Ане, стоявшей в полуметре от него.

– Нет никого, – сам прокомментировал себе Андрей, – пацаны что ли балуются, ведь не Ленка же дурака валяет, это не в ее стиле.

Андрей вышел (опять же явно не замечая Аню) на лестничную площадку, внимательно обшарил ее взором, пожал плечами и раздраженно вернулся обратно в квартиру, совершив рукой что-то вроде закрывающего движения, и Ане показалось, что и правда рука потянула за собой уже совсем прозрачную дверь, хотя та, материальная, которую открыла Лена, оставалась на месте – это Аня хорошо видела.

– Андрей, это я, Аня, – вскрикнула девушка и попыталась юркнуть в квартиру вслед за ним, мимо хозяйки, благо она не полностью перекрывала дверной проем, а сама стояла, словно остановленный кадр киноленты, однако почувствовала твердую невидимую преграду, словно прозрачная дверь и вправду закрылась и после этого стала совсем невидимой, хоть и непроницаемой. Затем было странное чувство, будто внутри Ани что-то перевернулось, словно ее мировосприятие совершило сальто внутри ее тела, остававшегося неподвижным – и квартира словно бы отступила назад. Она оставалась на прежнем месте, словно и не бросалась вслед за Андреем, а остановленный кадр Леночки снова ожил.

– Так что вы ошиблись, никакой Андрей Данилов здесь не живет, и я не знаю такого, – закончила прерванную на середине фразу полная девушка, словно бы заранее закрывая тему разговора на тот случай, если Аня вдруг начнет выяснять, не живет ли такой где-то поблизости, или, может, хозяйке что-то известно про данного человека. С этими словами девушка закрыла дверь перед Аниным носом, так и не выслушав каких-то объяснений или вопросов.

Поняв, что продолжения контакта не предвидится, Аня развернулась и пошла к лифту, при этом нарастающее чувство страха оставило ее, как только она вышла из злополучного дома.

– Ну, дела, – думала Аня по пути к остановке (мокрый снег уже прекратился, почти не оставив следов на асфальте, и лишь чахлые палисадники были покрыты грязными клочьями ваты), – воистину – нехорошая квартира. Судя по всему эта девушка не врет и действительно не знает никакого Андрея. Однако же он там есть! Правда, так же не догадывается об этом соседстве, но в его случае какая-то Лена, тем не менее, в его квартире присутствует. Что это? Параллельный мир, не пересекающийся с нашим? Очень похоже, ведь он не видел ни свою жену, ни меня, однако я его видела! Значит, хотя бы в одностороннем порядке пересечение существует! Хорошо, кстати, что меня туда что-то не пустило, Бог знает где я в этом случае могла бы оказаться, и совершенно неизвестно, сумела ли вернуться домой. Что же теперь дальше делать? Еще раз заявиться через некоторое время? Думаю, в этом нет никакого смысла, к тому же в следующий раз хозяйка может быть агрессивнее. Оставить все как есть? Но тогда загадка останется неразгаданной и я потеряю единственный огонек, который только-только затеплился во мраке неизвестности, а ведь эта квартира, пожалуй, та ниточка, которая может вывести меня к Андрею и навсегда изменить мою жизнь! Да, что ни день, то новая тайна, которая еще больше запутывает ситуацию.

Так ни к чему определенному не придя, Аня решила, что пока все надо отложить на неопределенный срок, тем более уже завтра она начнет работу в поисковом отделе (неведомо чего) Московского Авиационно-технологического института, там будет много опытных людей, серьезно занимающихся всякими проблемами аномальностей, возможно они что-то конкретное ей посоветуют, а может и помогут приоткрыть дверь в некий параллельный мир, куда ее сегодня не пустили.

– А впрочем, – подумала она, открывая свою дверь, которая ее, слава Богу беспрепятственно пропустила, – надо заканчивать с этими гаданиями – что будет, да как будет! Все равно получится не так, как прогнозируешь.

## ГЛАВА 4. Поисковый отдел

На следующий день, получив временный пропуск от Тамары Владимировны, Аня стояла в проходной поискового отдела Авиационно-технологического института.

– Дурацкое название, – думала девушка, сунув свой временный пропуск охраннику, который тут же внимательно его стал изучать, сверяя фото с оригиналом, – в той лаборатории в Подлипках по крайней мере указывался объект изучения: Лаборатория по изучению парапсихологических феноменов. А тут не понятно что они ищут и причем здесь Авиационно-технологический институт. Пропавшие самолеты что ли? Впрочем, если вспомнить Бермудский треугольник, то это не лишено смысла – там ведь довольно часто самолеты пропадали.

– Все нормально, – прервал ее размышления охранник, – можете проходить.

– А куда проходить? – не поняла Аня, – я первый раз, мне в поисковый отдел.

– По коридору до лифта, – неопределенно махнул рукой охранник, – на лифте спускаетесь в подвал, там увидите.

– Вот, – думала Аня, следуя указаниям охранника, – опять в подвал. Как тогда, в лаборатории парапсихологии. Наверное это связано с экранированием, там ведь всякая чувствительная аппаратура хранится, а может и психогенераторы. Нет, не может быть, чтобы я дважды на одни и те же грабли наступила... а впрочем... ну и куда теперь, – подумала она, выйдя из лифта в бункерообразное вытянутое помещение с тяжелыми бетонными стенами. – Я думала меня все же встретят и проводят на рабочее место, но тут, похоже, до меня никому дела нет. И Юра хорош, хотя бы показал, куда идти, а то пристроил и можно теперь руки умыть.

Впрочем, пройдя несколько метров по коридору, она увидела дверь с табличкой «заведующий поискового отдела МАТИ Пушкин В. Б.» и, разумеется, туда постучала. Услышав: «Войдите», Аня робко открыла дверь и вошла в кабинет. Она оказалась в просторном кабинете без окон (ну, разумеется, какие окна в подвале!), с одной стороны там стояли полки с разнообразной литературой, а с другой – стеллажи, уставленные образцами всякой неведомой аппаратуры, понять назначение которой Аня, разумеется, не могла. Впрочем что-то подобное она видела тогда, в Подлипках, хотя, конечно, коробки и есть коробки – электронная аппаратура различного назначения часто похожа друг на друга, и не сталкиваясь с нею близко, не определишь, какой прибор для чего предназначен. Аня помнила, что от остальных приборов сильно отличался только психогенератор, но тут, в кабинете заведомо она ничего похожего не увидела. Сам заведующий сидел за большим столом, на котором была разложена какая-то карта и, казалось, внимательно ее изучал.

– Здравствуйте, – выпалила Аня заранее заготовленную фразу, – я ваша новая сотрудница, обо мне должен был мой брат Юра Ромашов рассказать.

Заведующий – лысоватый худой мужчина средних лет с не очень аккуратной бородой и какой-то даже подчеркнутой небрежностью в одежде оторвался от карты и с интересом начал рассматривать свою гостью, при этом несколько раз странно повел головой, словно просканировал Аню невидимым лучом. Тут она и вправду почувствовала неприятные ощущения в области солнечного сплетения, и в этот момент глаза Пушкина В. Б. посветлели и он приятно улыбнулся:

– Заходите, заходите, уже слышан, с вашим братом я неплохо знаком, так что подготовлен к вашему появлению, да и Тамара Владимировна кое-что успела о вас рассказать. Сказала, что вы точнее всех из наших сенсов ее продиагностировали. Впрочем, не знаю, откуда у нее эта уверенность, обычно опытный диагност может сказать о человеке гораздо больше, чем те проблемы, которые его на сегодняшний день беспокоят. То есть должен увидеть его кармические зацепки и суметь интерпретировать во что они могут вылиться на физическом плане. То есть сказать только то, что на сегодняшний день беспокоит – это слишком мало.

Весьма вероятно, что все те, кто нашу завкадрами диагностировал, назвали как раз эти тонкие, пока не проявленные на физическом плане потенции, что было воспринято, как диагностическая ошибка. Но тут уже на первое место выходит фактор доверия – Тамара Владимировна привыкла все десятки раз перепроверять, благо есть такая возможность, но, разумеется всякие информационно-энергетические тонкости ей неизвестны, и она могла интерпретировать дополнительную информацию, как банальную выдумку.

– В общем-то, – сказала Аня, видя, что завотделом сел на любимого конька, – я ей очень мало сказала из того, что увидела. Всякие уточнения, мне показалось, ее бы только обидели. Я же ее совсем не знаю, поэтому назвала только те проблемы, которые ее на данный момент, либо в прошлом беспокоили, а об остальном просто промолчала. Возможно это неправильно и нужно было бы указать на те опасности, которые ей в перспективе угрожают, но я подумала, что если я буду здесь работать и как-то получше ее узнаю, то может потом на какие-то вещи ей укажу.

– Наверное ты права, – как-то быстро перешел на «ты» завотделом, – но наших сенсов обычно несет и они не подумавши выкладывают всю правду матку, которую на ментале углядели. А это часто приводит к эффекту отторжения. Я знаю, что у Тамары Владимировны скептический фактор срабатывает гораздо сильнее, чем фактор веры, поэтому ты, наверное, правильную линию выбрала – рассказала только то, что она сама может подтвердить. Кстати, это свидетельствует о том, что ты умеешь дифференцировать информацию. Многие не могут разобраться в том, что человека беспокоит на данный момент, а что будет беспокоить в перспективе – через год, через два и больше, то есть путают информационные уровни. К тому же часто не способны убрать субъективный фактор, а он, порой, вносит немалые помехи, иногда полностью подменяя объективную картину на вымышленную, которую оператор подсознательно хочет получить и сам мысленно достраивает. На первых порах это – основная проблема, и только длительная практика способна научить оператора отделять зерна от плевел.

– Тогда, – совсем осмелела Аня, чувствуя благожелательное к себе отношение, – со мной, наверное, совсем все тяжело обстоит. У меня, по сути дела, и не было никакой практики... вернее, она была и достаточно интенсивная, но в далеком детстве, после чего следовал перерыв около 11 лет. Теперь – все сначала.

– Что значит, – все сначала, – внимательно посмотрел на нее завотделом, – при этом Аня опять почувствовала мурашки, сканирующими волнами перебегающие по ее телу.

«Смотрит меня, – подумала Аня, – а ведь я его об этом не просила. Интересно, а он как-то отреагирует, если я ему дезинформацию подсуну?»

Аня сдвинула точку сборки (в последнее время она устанавливала ее не волевым импульсом, а включала некий принцип обратной связи, который самостоятельно устанавливал внутренний тумблер в нужное положение в зависимости от частотных характеристик исследуемого объекта, как при автоматической настройке телевизионных программ), и картина окружающего несколько изменилась. Аня продолжала смотреть физическими глазами, но видела картину не только в обычном восприятии, но и ряд к ней добавлений, которые улавливал ее третий глаз. В частности в области солнечного сплетения Пушкина В. Б. появилось вращающееся по часовой стрелке кольцо-бублик, – («кажется в науке такой объект называется тором», – подумала девушка), – из центра которого исходили светящиеся щупальца, быстро ощупывающие пространство вокруг Ани, но тела не касаясь. Они скользили по окружающему Аню ореолу и быстро вибрировали на самых концах, словно бы что-то счищали с поверхности ее ауры (она впервые смотрела собственную ауру), которая у Ани оказалась интенсивно синего цвета – того, который профессиональные художники называют индиго. Характер ауры при этом не менялся, однако Аня понимала, что щупальца снимают с ее ауры какие-то данные. Это не ощущалось, как отток собственной энергии, скорее, как касание чужой, что как раз и воспринималось Аней

до ее перехода в состояние повышенной чувствительности как пробегание мурашек в области солнечного сплетения.

– Надо же, – подумала Аня, – как датчики самописцы, – вспомнив как однажды наблюдала процесс энцефалографии, – только информацию не на бумаге запечатлевают, а отправляют в центральный компьютер. Интересно, что они там диагностируют в этом режиме? Я только вижу, как они по моему энергетическому кокону елозят. Аня отправила в свободный полет точку сборки, и когда та остановилась вдруг на ее собственной ауре, словно на экране вспыхнул образ мамы на больничной койке, а рядом она сама.

– Интересно, – подумала Аня, – он что, мою маму диагностирует? Так уж поздно, нет ее! Однако, похоже, он ее видит, а значит не шарлатан какой-то. Но только причем здесь мама? В этот момент, настроившись именно на завлаба, Аня почувствовала, всю мамину горечь и обиду на несправедливую с ее точки зрения жизнь, что вот она всю жизнь думала о детях, о муже, забывала о себе, и что в итоге получила? Гибель во цвете лет? Какая же это справедливость, и где Господь Бог, ведь она в тайне надеялась за свою самоотверженную жизнь во имя семьи на какую-то хоть небольшую награду. А так выходит, что всякие эгоисты и сволочи, которые всю жизнь думали только о себе и заботились только о своем здоровье, живут припеваючи, а она теперь лежит на этой больничной койке и ничего радостного в своей жизни не видела. Дальше шло чуть ли не проклятье – толи всему человечеству, толи Господу Богу – правда в существование последнего она не была особенно уверена, хоть сейчас, на пороге смерти, искренне пыталась принять эту категорию в свое сердце. Далее пошла информация о том, что эта мамина вселенская обида ударит не столько по ее посмертию, сколько по ее детям, которым и предстоит отрабатывать мамину обиду вместо нее – и непонятно почему, но именно Ане предстоит это сделать болезнью, которая на физическом плане еще не сформировалась, но в зрелом возрасте – одна из болячек, которые ее ожидают – это заболевание позвоночника по типу остеохондроза, который пока, в силу возраста, нисколько ее не беспокоит.

– Неужели, – подумала Аня, – он все это видит? Впрочем, возможно, это и не он, а я, а он лишь мое видение по поводу меня самой спровоцировал. Впрочем, с чего я взяла, что одна на свете такая ясновидящая?

Тут действия сканера завождем приняли несколько другой характер, поскольку изображение мамы исчезло так же внезапно, как и появилось, Анина точка сборки самопроизвольно сместилась и девушка поняла, что сканирование переместилось заметно вниз и словно бы пытается пробиться через ее внешнюю оболочку ауры в сферу деятельности Аниной половой чакры, которая, как Аня о себе знала, функционирует у нее как-то не так, и неизвестно, есть ли она у нее вообще. Впрочем докопаться до истины Пушкину она не дала, поскольку возмутилась такой бесцеремонностью. Что-либо говорить в такой ситуации было глупо, поэтому она совершила такую-же биоэнергетическую бестактность: послала Пушкину телепатемму, изображающую половой акт богомоллов, который, как известно, заканчивается тем, что гораздо более крупная самка откусывает самцу голову в самый момент кульминации, внося энергию смерти в акт зачатия. При этом лукавый бес ее попутал, и она придала откусываемой головке самца некоторое портретное сходство с головой самого завождем.

Трудно сказать, увидел ли Пушкин В. Б. То что передала ему Аня во всех подробностях, однако сканирующие щупальца тут же отпрянули, словно натолкнулись на раскаленную сковородку, а лицо завождем приняло растеряно-озадаченное выражение, которое он, правда, тут же постарался скрыть, вытащив из кармана платок и без особой надобности высморкавшись.

Сцена эта продолжалась буквально несколько секунд, и скорее всего внешний наблюдатель ничего бы и не заметил, однако на самом деле этот кратковременный энергетический обмен любезностями, по-видимому дал обоим «дуэлянтам» некоторую информацию друг о друге и, похоже, Пушкин был довольно сильно озадачен.

– Да вы садитесь, – вдруг вспомнил он, что Аня все еще стоит в дверях, и возможно от увиденной картины снова перейдя на «Вы». Читайте, что сейчас произошло что-то вроде собеседования, – он хитро подмигнул девушке, – видите – минуты достаточно... и не надо ничего говорить, – прибавил он видя, что Аня собралась каким-то образом прокомментировать ситуацию – все всё поняли. Вы меня, честно говоря, просто огорошили, я с подобным не сталкивался. Так о чем это мы говорили? Ах да, вы сказали, что в далеком детстве упражнялись, а теперь все сначала. Что-то мне не очень понятно... ну, а самому посмотреть вы не позволили. Так что приношу извинения, допустил неэтичность, редко кто замечает. Так вы хотите сказать, у вас в детстве гуру был? Как-то в наших советских реалиях в это трудно верится. Это никого не удивило бы в Индии, Непале или Тибете, но у нас! И кто это был, может я его знаю? Я неплохо знаком с контингентом русской саньясы, а методы у вас самые что ни наесть эзотерические, ясно, что вас не церковники наставляли. Но сами-то вы не могли же эти вещи освоить!

– Я даже не знаю, как сказать, – смутилась Аня, – учитель был, но не человек.

– Так вас духи избрали? Вы шаманка? Хлопнул ладонью по карте на столе Пушкин, – тем более уникальный случай для среднерусской полосы под патронажем христианского эгрегора. Если бы это был Алтай, Якутия, на худой конец Бурятия или Калмыкия – еще понятно, но там ведь все по определенному сценарию происходит, с определенной, веками наработанной атрибутикой! Как-то я вас плохо представляю пляшущей в трансе с бубном вокруг костра. И потом подобное посвящение крайне редко в детстве происходит. Впрочем у некоторых племен бывает, но там чаще старый шаман выбирает, кому Силу передать, а потом уже с духами начинает его знакомить.

– Да нет, – улыбнулась Аня, – никакая я не шаманка, меня домовый обучал науке живого мира, а самого домового я в подвале встретила, он на трубе центрального отопления сидел, такой одинокий, всеми брошенный, с насморком. – И Аня, почему-то почувствовав доверие к заводителю, рассказала ему то, что не рассказывала никому – о своей встрече с домовым и о своих первых уроках, правда потом спохватилась и умолчала о том, что ей стало известно о Варфуше позже – что он в действительности не домовый а посланник Демиургов, выполняющий планетарную миссию. – Надеюсь, – скомкала она конец рассказа, – это между нами останется, а то, если бы это психиатр услышал – точно бы в психушку упек.

– Что вы, что вы, Анечка, – расхохотался Пушкин, – вы не в том департаменте находитесь, и если бы за вами не было подобной истории, вы бы вряд ли здесь очутились. Да нас тут любого можно и Ганушкина и в Скворцова-Степанова упечь, так что вы попали как раз по адресу. Люди, нашу организацию создавшие и ее охраняющие крайне заинтересованы, чтобы уникалы, подобные вам оказались именно здесь, а не в дурдоме, где с помощью специально разработанного лечения индиго превращают чуть ли не в тростник. Нет, нам свыше позволено быть сумасшедшими, поскольку и круг проблем, которые мы изучаем, тоже с точки зрения обывателя и официальной науки, является бредом сумасшедшего – а ведь мы к кое-каким фундаментальным законам подоברались вплотную. Кстати, а вы случайно не побывали в том месте, о коем упомянули? Вы как-то все фрагментарно рассказывали и, похоже, умолчали о многом... впрочем я вас понимаю.

«А ведь он почувствовал, – подумала Аня, – ладно, если это для него обычная тема, то расскажу, пожалуй, но о лаборатории парапсихологии и динозавре – ни слова, это уже будет слишком!»

– В общем была я в психушке в 8 лет, – сказала она смущенно, – но не из-за Варфуши, а как раз наоборот – потому что я его потеряла... а после больницы хоть в тростник я и не превратилась, но обычной девочкой стала – как бы часть себя потеряла, и забыла все то мистическое, что в моей жизни до 8 лет было. Только несколько дней назад после сеанса гипноза ко мне память вернулась... ну и некоторые способности.

– Некоторые, говоришь, – усмехнулся Пушкин (как-то незаметно он снова перешел на ты), уже то, что ты мне продемонстрировала – весьма впечатляет. Впрочем, здесь тебе придется не только этим заниматься, поскольку у нас – поисковый отдел, и что мы разыскиваем твой брат должен был тебе рассказать. Я его специально консультировал и видео материалы предоставлял. Сама по себе способность к эдейтическим образам – только признак, так что возможно, у нас тебе, как в детстве, придется некоторые свои ясновидческие способности тренировать, правда тебя уже не домовой тренировать будет, а я или кто-то из ветеранов. Хотя может тебя и тренировать не придется, ты ведь – индиго – а это само за себя говорит.

– Кстати, – сказала Аня, – я уже не первый раз слышу: «индиго, индиго», но не совсем понимаю что это такое. Это что – все сенсы?

– О нет, – покачал головой Пушкин, – далеко не все, я, например, не индиго. Индиго – это представитель новой, шестой расы, который, как правило, и сам не догадывается об этом. Такие люди получают свой дар при рождении, и кроме того содержат в своем гено типе некую программу дальнейшей трансформации. Правда пока нам об этой трансформации ничего не известно – это, скорее, гипотеза. Известно только что они недавно появились, что эти дети и молодые люди чрезвычайно чувствительны и имеют ауру в корне отличающуюся от таковой у обычных людей и даже продвинутых сенсов. Цвет ауры у таковых насыщенно-синего цвета, имеет форму правильного яйца, и практически не меняется при смене состояний – эмоциональных и ментальных, как это бывает у других людей, в том числе продвинутых сенсов и йогов. Правда обычному человеку, не видящему ауру, это ничего не скажет – это лишь для нас, ауровидцев, очевидность. Так вот, ты – индиго, причем – первая в нашем коллективе, и это весьма интригует, поскольку неизвестно, чего от тебя ждать. Ладно, заговорились, но я сам должен был убедиться, и чтобы убедиться мне совсем не обязательно, чтобы ты продемонстрировала все свои возможности – это тебе в дальнейшей работе пригодится. Сейчас пойдем в отдел, я тебя познакомлю с теми, кто на месте – но это далеко не все, половина сотрудников, как обычно, в поле, поисковые системы обкатывают.

Пушкин встал из за стола – он оказался достаточно высок и сутул, и брюки его были неглажены и явно коротковаты, как у школьника в период интенсивного роста – в общем тепичный ученый, погруженный в свои научные идеи, которому некогда обращать внимание на такие мелочи, как внешний вид, особенно если он холостяк и следить за ним решительно некому.

– Извините, наше общение так быстро перешло в сферу ноуменального, – сказал заведомом, что я даже не успел представиться: Виктор Борисович, – и подал Ане руку, как мужчине.

– Аня... Анна Михайловна, – непривычно произнесла девушка и вложила свою узкую руку в широкую ладонь Виктора Борисовича, тут же, почему-то почувствовав, что заводделом тяжело болен и у него эпилепсия – причем она даже не сдвигала точку сборки, информация пришла сама собой и так неожиданно, что Аня даже вздрогнула.

– Чего? – внимательно посмотрел на нее Пушкин, – что-то не так?

– Да нет, ничего, это я случайно – смутилась Аня.

– Да уж говори, что там, – посуловел Пушкин, – усмотрела у меня чего-то?

– Я не смотрела, это само произошло, – опустила глаза Аня, – просто я почувствовала, что у вас болезнь... эпилепсия... извините, я не специально!

– Все верно, – почему-то успокоился заводделом, – а я думал – рак. Эпилепсия-то – Бог с ним, неприятно, конечно, но я привык, к тому же приступы не частые, реже чем раз в два месяца. Это у меня после травмы в молодости. Возможно, что и кое-какие способности у меня появились одновременно с возникновением болезни. У сенсов такое соседство – частая штука. Да и многие великие страдали тем же – и Александр Македонский, и Юлий Цезарь, и Достоевский. Остается себя хоть этим утешать. Но точно рака нет?

– Точно нет, – мельком глянула его на ментале Аня, – между прочим через эпилепсию какой-то негатив от вас уходит, и если бы не это, то этот негатив, возможно, в рак перешел.

– Вот, вот, – вздохнул Виктор Борисович, – я чувствую, что раковый потенциал есть, а рака нет, но себя диагностировать – штука неблагодарная, редко кто может... а наши, если и увидят – разве скажут! Кто ж такое шефу заявит!

– А у вас что, все сотрудники сенсы? – удивилась Аня.

– Официально, кроме меня, трое. Двое рамочников и одна видящая. Кроме того, два электронщика, на и те как-то пытаются поле царапать, на элементарном уровне любой научиться сможет. Ладно, пойдем в отдел, познакомлю тебя с теми, кто на месте, но, по-моему, оба рамочника в поле, но Арина Николаевна должна быть на месте, а возможно и электронщики – Коля и Сергей.

Виктор Борисович провел Аню дальше по коридору и набрал на массивной металлической двери (она-то и вызвала у Ани ассоциацию с бункером) шестизначный код. Комната в которую они попали и вправду мало напоминала лабораторию (не случайно Пушкин ни разу и не упомянул этого слова, предпочитая ему ничего не значащее «отдел»), и если бы описываемые события происходили в мятежные девяностые годы, первое, что бы пришло Ане в голову – это салон магических услуг – уж больно чудно была обставлена эта комната, по идее представляющая собой лабораторию научного учреждения. В отличие от кабинета Пушкина, ничего похожего на электронные приборы в этом просторном помещении не было, зато было много того, чего в застойные семидесятые в рядовом советском учреждении, тем более засекреченном, явно находящемся под патронажем КГБ, быть не могло. Начать хотя бы с того, что покрашенные стандартной голубой краской стены (поскольку окон не наблюдалось, то площадь их была весьма велика) были сплошь увешены всевозможными красочными и черно-белыми плакатами и схемами, которые даже при беглом взгляде, даже несведущему посетителю являли свое религиозно-мистическое содержание. Книг в этой комнате, в отличие от кабинета Пушкина, было не так много, и они в основном разделялись на 2 категории: либо ветхие – явно дореволюционные издания, либо так называемый самиздат, и поскольку книжный шкаф стоял в дальнем торце помещения, то Аня разглядела лишь два названия чрезвычайно внушительных фолиантов: ГОМ и Арканы. Священная книга Тота. Впрочем эти названия Ане, за всю жизнь не прочитавшей ни одной эзотерической книги, ничего не говорили, и только от «священной книги Тота» пахло чем-то запредельным, древнеегипетским. Впрочем внимание Ани привлекли прежде всего картинки, развешанные на стенах, большинство из которых были достаточно крупными, чтобы их подробно рассмотреть. Первой бросилась в глаза большая черно-белая гравюра, висящая как раз над столом единственного на данный момент обитателя комнаты (о столе и обитателе мы расскажем особо чуть позже) изображающая глаз в треугольнике, расположенного посреди темного мрачного облака, из которого в разные стороны исходили многочисленные лучи. («Кажется это гравюра Густава Доре, – подумала Аня, – или Рембранта...»). Казалось бы сей факт был должен свидетельствовать о строго христианских и возможно католических взглядах повесившего эту гравюру, но соседняя картинка – напротив – празднично-красочная намекала уже на совсем другую религиозную приверженность. Там по-королевски облаченный синекожий юноша с огромной гирляндой живых цветов на шее и скрещенными по особому ногами наигрывал что-то на изящной свирели для нескольких смуглых полуобнаженных дев на живописной поляне, по которой в отдалении идиллически паслись белые коровы.

«Кришна...», – догадалась Аня, впрочем для этой догадки не требовалась особая эрудиция даже в застойные времена.

Однако и эта картинка ни о чем не говорила, поскольку рядом висели явно буддийские танки, где среди затейливых мандал сидели в лотосе разноцветные будды частей света, а одно из устрашающих изображений вызвала у невинной Ани краску смущения, где танцующее черное лицо чудовище с клыками и мечами одновременно совершало сексуальный акт с маленькой демоницей, в непотребной позе прицепившейся к своему грозному партнеру в области чресел.

Но и тибетский буддизм не исчерпывал интересов хозяина кабинета, поскольку вскоре любопытный Анин взгляд натолкнулся на древнеегипетскую тематику, где в нескольких репродукциях была изображена мистерия гибели и воскрешения бога Осириса усилиями его супруги Исиды, которая плавно перешла в какую-то непонятную и запутанную историю ацтекского Кетцалькоатля. Довершали эту пеструю картину разносторонних интересов хозяина кабинета замысловатые астрологические графики и несколько увеличенных изображений из больших и малых арканов Таро. (Аня с удивлением обнаружила, что по мере разглядывания отдельных репродукций хаотического эзотерического вернисажа, ей становятся понятными эти затейливые изображения и узоры иных тайных культур, при этом в сознании ее словно бы зазвучали имена тех или иных неведомых ей прежде персонажей. Стоило ей остановить внимание на одном из них, как Аня тут же получала краткий пакет информации об интересующем ее объекте, словно листала энциклопедию. Собственно, это были даже не названия, а некие мыслеформы, содержащие информацию, которая не была развернута во времени, как при чтении той или иной статьи, они являлись сразу, причем отдельные аспекты этой информации при их выделении, тут же являлись еще более подробной частностью. Нечто подобное Аня наблюдала за собой и раньше, но никогда информация не шла к ней в таком количестве, тем более, обрастающая подробностями, словно снежный ком.

«Прямо-таки ЭВМ в голове завелся, – впрочем не особенно удивилась Аня, – мне и не надо таких подробностей, – это наверное танки, мандалы, янтры и арканы так на меня действовали. Они настолько переполнены энергией, что даже зубы ломит. Однако, как не странно, несмотря на этот кавардак, они не мешают друг другу, не режут пространство! Видно – воистину – Бог един, а разные конфессии отражают истину в разных аспектах, и если люди, представители тех или иных конфессий и учений, не начинают драть друг другу глотки, доказывая, на чьей стороне истина, то и вся эта разноконфессиональная иконопись не противоречит друг другу».

Экспозиция интернациональной эзотерической атрибутики не ограничивалась изобразительным искусством. На массивном столе, стоящим непосредственно под всевидящим оком в облаке, стояли несколько хрустальных шаров разных размеров в специальных штативах, большое медное распятие чудесным образом соседствовало с иудейским девятисвечником с потушенными на данный момент свечами и с большим жертвенным ножом из черного, как смоль, обсидиана и рамой, на которой висели несколько связок четок разных размеров и материалов. Довершало убранство несколько деревянных и медных статуэток, очевидно недавно приобретенных в недавно открывшемся в Москве магазине Ганг, изображавших каких-то богов индуистского и тибетского пантеона. Что же касается хозяйки кабинета, то ее облик на удивление мало соответствовал всей этой эзотерической еще не набившей оскомину в идеологически выдержанную застойную эпоху 70х годов. За столом сидела маленькая женщина лет 35, вполне обычно и неброско одетая в темную блузу и производственный синий халат, с большими, слегка навывкат глазами, намекающими на признаки базедовой болезни и треугольным лицом с узким подбородком, несколько портящим впечатление от больших необычных глаз.

В общем женщина чем-то напоминала серенькую мышку, каковой в минуты самораздражения Аня именовала и себя, хотя в случае Ани, это касалось ее поведения, а не привлекательной внешности, волнующей мужчин. Итак, маленькая женщина сидела за столом, нафаршированным всякими магическими аксессуарами, и что-то чертила какими-то слишком размашистыми для письма и рисования движениями. Увидев вошедших, женщина отложила карандаш, улынулась и сложила руки в намасте, немного привстав из-за стола.

– Здравствуйте, Арина Николаевна, – приветствовал ее Виктор Борисович, – вот, познакомьтесь, Анна Михайловна Ромашова, наша новая сотрудница, а это Арина Николаевна Царенкова – официально старший научный сотрудник.

– Можно просто Аня, – смутилась наша героиня, не привыкшая к столь официальному обращению.

– Мы с ней уже предварительно побеседовали, – продолжил заведомо, – похоже, ее брат говорил правду, а с подробностями мы по ходу дела разберемся. Я вам девушку оставляю, вы ее в курс дела введете, думаю, вам интересно будет пообщаться. Кстати, Коля и Сережа на месте? – это наши электронщики, – почему-то объяснил он Ане.

– Только что в КБ за материалом убежали, – ответила Арина Николаевна, – А Лупичев с Синьковым на первом объекте – ну вы знаете... вскрыть пытаются.

– Так прямо с ходу и вскрыть! – усмехнулся Пушкин, – ну-ну, дай Бог нашему теляти волка съест. Ладно, я вас оставляю, надо с отчетом поработать.

Затем заведомо наклонился к уху Арины Николаевны и что-то зашептал, при этом та понятиливо закивала головой. После этого Виктор Борисович покинул помещение.

– Ну, давай знакомиться, – на правах хозяйки с покровительственным видом начала Арина Николаевна, – можешь меня просто Ариной звать, думаю, так проще. Пушкин о тебе в буквально в двух словах говорил, сказал, только, что твой брат – внештатный сотрудник... сама знаешь чего, и что он в соседнем КБ работает. Вроде тебя сначала туда хотели оформить, но потом почему-то передумали. Ты как вообще, понимаешь, чем мы тут занимаемся?

– Вообще-то мне Юра рассказывал, – присела Аня на стул, – но он не конкретно о вашем... в смысле нашем отделе говорил, а о черных дырах вообще. Кажется они вормхолами называются.

– Вормхолмы – это червоточины или кротовые норы, а черные дыры – это черные дыры, – уточнила Царенкова, – к этой тематике наш отдел буквально на днях сформировали, так что мы сами только в общих чертах в курсе. А до этого кто чем занимался, я, например, в основном полтергейстом, но это – официально. Вообще-то я маг самого широкого профиля, но охота на духов – мой конек. Нас тут немного, но я знаю, что на эту проблему не только наш отдел кинули. Возникла одна теория, которую там... – она закатила глаза вверх, правда было не ясно, имеет ли она в виду Господа Бога или набившую оскомину госбезопасность, – хотят проверить. Так что пока все в стадии первичного набора информации. Лично я считаю, что ничего у нас не получится. Там ведь наверху замахнулись на тоннель нуль-транспортировки, а то и на машину времени – да еще к тому же взять все это под контроль. Не жалко им государственных денег.

– А вы что, в эти вормхолмы не верите? – удивилась Аня.

– А ты сама глянь на ментале, – внимательно посмотрела на нее Царенкова, – умеешь?

– Я смотрела, – смутилась Аня, – блок стоит и пробиться невозможно.

– Вот, вот, – оживилась Арина Николаевна, – у меня тоже блок стоит. Толи никаких вормхолмов вообще не существует, толи кто-то очень не хочет, чтобы мы к этой теме приближались. Правда наши рамочники так не считают, они не хотят ждать милостей от природы и уверены, что взять их – наша задача. А что это – милость – надо еще подумать! Мужчины, что ж тут поделаешь, они вечно с молотками в такие тонкие сферы лезут! Одни собираются с помощью электроприборов Иисусов Христов штамповать, другие – червоточины вскрывать. И что самое неприятное, время от времени у них что-то получается, но всегда не то, что они сами ожидают. Как Пугачова пела: «сделать хотел грозу, а получил козу...» А что, ты тоже блок видишь? Значит, подтверждение.

– Но ведь что-то есть, – неуверенно сказала Аня, – мой брат, Юра фотографии самолета показывал. Вы наверное в курсе.

– В курсе-то, в курсе, – пожала плечами Арина Николаевна, но почему они считают, что этот Боинг именно в вармхол угодил? Есть и другие объяснения.

– Какие же? Ведь он потом на Луне оказался.

– Его могли инопланетяне похитить, а на Луне у них, как известно, базы расположены. Слышала о секретном отчете первой американской лунной экспедиции?

– Нет, – устыдилась Аня такой своей некомпетентности.

– Так вот, первое, что там Армстронг увидел, когда на почву Луны вступил – это блюдцеобразные НЛО – он так и сообщил: «Наблюдаю святого Петра»! – это у них таким паролем НЛО обозначались. Ну и в дальнейшем их там немало видели – возможно это они похитили Боинг для изучения его на своей центральной базе. Между прочим, уже точно доказано, что Луна – полое небесное тело, только об этом ни мы, ни американцы общественности не сообщают – сама понимаешь, по каким причинам, – как ты думаешь, что там в этой полости находится?

– Но зачем им Боинг, – недоумевала Аня, – почему они тогда Аполон не похитили? Это и куда более передовой опыт технологий, и сам на Луну прилетел, да и вообще, зачем им изучать нашу допотопную, с высоты их технического уровня, технику. К тому же, – вдруг вспомнила она самую щекотливую деталь в истории пропажи Боинга, – самолет-то на Луне в прошлом обнаружили, за несколько лет до его пропажи.

– Зачем им нашу допотопную технику изучать? Про то простому землянину трудно судить, зачем они, скажем, людей похищают и всякие там операции над ними проводят и какие-то неведомые артефакты вживляют? Тоже – неведомо. Возможно им необходимо наш уровень как-то разнопланово оценить. А что американцы эту фотку сделали до пропажи самолета (если это все же не чрезвычайно искусная подделка), то можно предположить что инопланетяне его специально из будущего похитили и в прошлое переместили, то есть свободно могут во времени перемещаться. Возможно самолет из будущего нужен был им для каких-то сопоставлений с тогдашним нашим научно-техническим уровнем, мало ли что, тут можно какие угодно теории строить. В конце концов эти вормхолы вполне они могли создать, возможно это и есть их машина пространства-времени.

– Но тогда, – пожалала плечами Аня, – какая разница, искусственные они или естественные?

– Думаю, разница большая, – авторитетно сказала Арина Николаевна, – если у этих структур есть высокоразвитые хозяева, то не нам со свиным рылом в калашный ряд соваться. Тем более если туда кто-то с КГБшным имперским мышлением собирается наведаться. Я думаю, что туда, как в Шамбалу, только с чистым сердцем можно пройти – не важно, что ты в той же географической точке можешь находиться. В свое время и Гитлер и Сталин своих эмиссаров засылали – не вышло.

– Но если так, то зачем вы в проекте участвуете, – недоумевала Аня.

– Да меня не спросили, – вздохнула Арина Николаевна, – я штатным магом уже пять лет здесь работаю. Платят хорошо, спецзаказы – жалко работу терять. К тому же если я без крыши начну магические услуги населению оказывать, меня быстро упекут, поскольку я теперь уже до конца жизни под колпаком останусь. К тому же здесь очень интересно, и контингент в общем единомышленников – другое дело что я, допустим, не все установки сверху принимаю.

– А вы не боитесь, – Аня демонстративно поводила глазами по углам помещения, – думаете здесь жучки не стоят?

– Стоят, конечно, – вздохнула Арина Николаевна, но мы их не боимся. Наши электронщики, Коля с Сергеем, давно их нейтрализовали. На всякого мудреца довольно простоты.

– Так разве там они не могут определить, где жучки работают, а где – нет?

– Не могут, – усмехнулась СНС – ребята туда регулярно заранее заготовленные записи сливают. Пока, насколько я знаю, не разобрались. Ты-то, – она с явной симпатией посмотрела на Аню, – в какой области специализируешься? Виктор Борисович вкратце о тебе рассказывал, думал, что тебя просто брат подсунил, пользуясь своим положением, но сейчас он явно тобой заинтригован, сказал мне на ухо, что ты ему эдейтическую дезу подсунула, а это о высоком уровне свидетельствует... и вообще, индиго. Я правда не могу сходу, без доли сомнения

заявить, что вот этот сенс – индиго, а он своему видению доверяет. Тем более, нас-то, как он считает, он как облупленных узнал, а ты пока – черный ящик и к тому же – индиго.

– Я пока что особенно ни на чем не остановилась, – вздохнула Аня, – когда-то в детстве я проходила науку живого мира у одного домового (Аня уже не боялась делать подобные заявления, поскольку убедилась, что здешние обитатели слышали и не такое, и не торопились записывать собеседника в сумасшедшие). А потом со мной произошло несчастье... долгая история, может я потом расскажу – и я потеряла память и свои способности. А совсем недавно после сеанса гипноза у меня все это стало восстанавливаться. Я предполагаю, что должно последовать какое-то продолжение, все так неожиданно произошло. В общем я пока сама не знаю, что делать с тем, что передо мной раскрылось, потому-то я и согласилась с Юриным предложением сюда пойти: думаю, у меня здесь будет больше возможностей с собой разобраться, чем если дома сидеть.

– Домовой, говоришь, – усмехнулась Арина Николаевна, правда без тени иронии, – занятно. Что-то я не слышала таких историй. У нас все сенсы, тем более, кто не имеет продвинутого земного учителя, в астрале, как правило, у великих учителей обучаются. Кто у Христа, кто у Будды, кто у Кутхуми, кто у Мории – на меньшее не согласны. А ты – у какого-то маленького домового – духа из Манику. С одной стороны странно, но с другой – внушает доверие, уж им-то, высокоментальным, никогда не придет в голову такое заявить. По крайней мере учителя ты выбрала не стандартного.

«Сказать или нет?» – мелькнуло в голове у Ани, но потом ей стало обидно за Варфушу и она решила слегка приоткрыть карты.

– Вообще-то сказала она после некоторого молчания, он не совсем домовый, вернее последние 700 лет находится в этом облике, и только когда мы с ним случайно встретились, он начал постепенно свое истинное происхождение вспоминать – каким-то образом наша встреча на него так подействовала, кстати, и на меня тоже. Уже гораздо позже Варфуша рассказывал мне свою историю, и оказалось, что он – посланник богов, бриллиант, и настоящее его имя Гермес. Он даже какое-то время был воплощен в человеческий образ, и известен в истории под именем Гермес Трисмегист, который жил в древнем Египте пять тысяч лет назад и написал знаменитые Изумрудные скрижали.

– Ну, – усмехнулась Арина Николаевна, – это уже более соответствует принятым нормам. И как же вышло, что его до уровня домового разжаловали?

– Это долгая история, – вздохнула Аня, – если коротко, то он не должен был вмешиваться в земные дела, его задача была – наблюдать и передавать информацию. И еще следить за потомками рода Мервингов. Так вышло, что во времена разгрома ордена Тамплиеров. Когда, казалось, рухнет его главная миссия на земле, он нарушил запрет и помог двум навигаторам ордена Тамплиеров Жану де Жизору и Мари Ришар. В результате было нарушено равновесие и Князь мира сего получил право развоплотить посланника Гермеса в домового Варфоломея.

Затем Аня вкратце рассказала историю знакомства с домовым, его науку живого мира, свое ученичество и историю пропажи Варфуши, на всякий случай умолчав о парапсихологической лаборатории, а вдруг Царенкова знает об этой истории. Также ничего она не стала говорить о динозавре и о психушке – и так ее рассказа было вполне достаточно для первого знакомства.

«Оставлю на потом, – подумала Аня, – и все же, как хорошо, что появился человек, которому можно рассказать такие сокровенные вещи, и не предупреждать при этом, что ты не сумасшедший и что все это было на самом деле.»

– Интересная история, – сказала Арина Николаевна немного помолчав и внимательно рассматривая Аню, – ты не бойся, я тебя в сумасшедшие не собираюсь записывать, хотя сам диагноз «шизофрения» – только клеймо и на самом деле ни один психиатр (конечно, если он сам не шизофреник) не знает, что происходит в голове человека во время так называемого

шизофренического бреда. Я-то знаю, что происходит: на самом деле сознание такого больного просто начинает воспринимать иную реальность, но вся беда в том, что адепт, способный выходить на пласты иных реальностей, этим процессом управляет, и не позволяет ему полностью овладеть его сознанием. К сожалению некоторые наши сенсы слишком активно практикующие садхану, в какой-то момент теряли контроль над управлением и присоединялись к легиону шизофреников. Я таких немало знаю, очень тяжелое зрелище. Многие в последствии покончили с собой. Так что погружаться в измененные состояния сознания без гуру крайне опасно, и мое личное мнение, что учитель должен быть материальным. Хотя, как в любой области, возможны исключения.

– А у вас был учитель, – спросила Аня, проникаясь все большей симпатией к своей новой знакомой, которая, как девушка чувствовала, при всей своей заурядной внешности, нисколько не комплексует перед молодой, хорошенькой Аней. – «Сразу видно, думала она, что внутреннее для нее гораздо важнее внешнего. Многие это говорят, но в действительности – лукавят, потому, что деваться некуда. Так большинство некрасивых женщин пытаются себя убедить, что все красавицы – дуры, а эта, похоже, искренна».

– Я свой дар от бабки получила, – сказала Арина Николаевна, это достаточно частое правило в русской ведической традиции, она была самой настоящей офеней, и я все ее приемы с раннего детства наблюдала.

– А что такое «офеня» – спросила не слишком разбирающаяся в теоретических и исторических вопросах эзотерики Аня, – первый раз такое наименование слышу. И потом, почему «русская ведическая традиция»? Веды же это индийское священное писание!

– Чтобы ты знала, – авторитетно стала объяснять Арина Николаевна, – древние арии пришли на территорию Индостана в пятом тысячелетии до нашей эры уже с готовыми ведами, и писались они отнюдь не под сенью банановых и кокосовых пальм, а у нас, на родине, среди берез и елей. Когда-то на территории современной России располагались обширные Андронниковские земли (наверное государством это общество было трудно назвать), и народ, населявший эту территорию, были протославяне – в действительности – арии, которые в определенный исторический период, который именуют периодом великого переселения народов, двинулись на восток и юг, несколькими рукавами. Часть из них через Индостан добралась до Шри Ланки, часть заселила Индостан, часть двинулась в Малую Азию, на территории современного Ирана и Ирака, часть – на территорию Греции, часть ушла в Египет. Между прочим, именно арии обосновали первую династию фараонов в эпоху первого древнего царства, и до нас дошло имя первого фараона. Его звали Тот, и впоследствии он был обожествлен благодарными египтянами и причислен к пантеону египетских богов. Так вот, этот Тот был нашим древним предком, одним из ариев, живших на территории, соответствующей современной России, и везде, куда бы не приходили древние арии (в нашей исторической науке их именуют протославянами, греки именовали гиперборейцами), они организовывали очаги высокой для тех времен культуры, цивилизовывали местные первобытные народы, обучали их разнообразным ремеслам и искусству возвращать культурные растения – то есть – сельскому хозяйству. Современные археологи до сих пор не могут объяснить отдельные археологические находки, обнаруженные в некоторых районах Турции и Ирана, датированные немыслимой древностью, значительно отличающиеся от того, что строили и производили тюркские народы, издавна селившиеся на территории Малой Азии, Анатолии и Ирана. Эти находки совершенно расходятся с принятой исторической версией.

В дальнейшем, осуществив миссию цивилизовывания местных диких жителей, и зародив очаги культуры, арии, как правило, либо уходили в другие земли с целью породить новые очаги цивилизации, либо (часть из них) смешивались с местным населением, чтобы культура и цивилизованность глубже проникали в среду диких первобытных народов. Так в действительности зарождались очаги современных культур и цивилизаций.

Так же они несли диким аборигенам и свои религиозные таинства и священные писания, впоследствии претерпевшие значительные изменения, соответственно особенностям собственной ментальности того или иного народа, цивилизованного ариями. Трансформация, порой, сильно искажала первоисточник, так что при беглом взгляде трудно разглядеть сходство между учениями египетских жрецов, заратустризмом и брахманизмом, и тем не менее, при более глубоком изучении, такое сходство обнаруживается. Мало того, даже позднее возникшие мировые религии впитали в себя немало главнейших первооснов, от которых в дальнейшем отталкивались их основатели! Не буду перечислять конкретные моменты, это слишком долгий разговор и предмет детального анализа первоисточников. Ну так вот: и веды, и Авеста, и священная книга Тота, и Изумрудные скрижали имеют одинаковый первоисточник, который совершенно не виден при беглом изучении – это в первую очередь Велесовица или книга Велеса древних протославян или ариев а также книга Ярилы и книга Коляды. Эти книги в фрагментарном и возможно искаженном виде чудом дошли до наших дней, и были привезены в будущее Андронниковские земли древними арийскими переселенцами, перебивавшимися на материк Евразии с огромного острова Арктида, который существовал в Северном Ледовитом океане еще в ту эпоху, когда земная ось была гораздо южнее и Северный Ледовитый океан еще не был скован льдом. И эта Арктида находилась в зоне весьма благоприятного климата. Цивилизация ариев, несколькими племенами населявшая этот огромный остров – возможно даже небольшой континент, наподобие Антарктиды, но на севере (есть версия, что Гренландия – осколок этого материка) была исключительно развитой, культурной и поражающей возможно не столько своим техническим уровнем (впрочем для того времени он был достаточно высок), сколько духовным и морально-этическим. К сожалению, как это часто бывает, высокое овладение искусством магии привело к ряду соблазнов обретать все большее и большее могущество, затем, доселе жившие мирно несколько племен Арктиды перессорились и затеяли магические войны, которые нам, современным людям, привыкшим жить в рациональном мире, невозможно даже представить. Как известно, магия, особенно черная, не подверженная этическому контролю, приводит к нарушению равновесия между махабхутами, великими стихиями, что в конечном итоге привело к чудовищным природным катаклизмам и изменению климата в силу изменения положения земной оси, переместившейся на 60 градусов в место современного северного полюса. Арктида в результате страшных землетрясений раскололась на несколько кусков, самый большой из которых ушел под воду Северного Ледовитого океана, а другие из-за резкого похолодания стали непригодны для жизни. Оставшиеся в живых арии (катаклизм происходил в несколько этапов) на больших кораблях постепенно перебирались на материк, в результате чего сформировались в основном два потока миграции с двух разделившихся островов: один проходил через современную Скандинавию, в дальнейшем заселивший значительную часть Европы. Другой поток, проходивший через Урал, основал несколько городов один из которых сохранился до нашего времени – всем известный Аркаим, и расселился по территории Андронниковых земель – то есть современной России. В дальнейшем отдельные племена устремились на юг и на восток, другие же осели на новой родине, из которой много веков спустя стала формироваться древняя Русь. По-видимому среди переселенцев произошло одичание, значительное снижение культурного уровня по сравнению с племенами, населявшими Арктиду, поэтому более поздние языческие верования – это уже слабый отгосок священного писания Арктических ариев, какая-то часть которого представлена дошедшими до нас книгами Велеса, Ярилы и Коляды, а какая-то – индийскими ведами. Как любые древние эзотерические книги, эти трактаты древних ариев имеют несколько уровней понимания: человек несведущий поймет перевод этих текстов как сборник причудливых сказок, но чем глубже проникает неопит в премудрость тайного знания, тем большие горизонты закодированного тайного смысла перед ним раскрываются. И тем большую духовную мудрость прозревает он в этих причудливых иносказаниях, к сожалению сильно искаженных многочис-

ленными переводами с одного более древнего языка на другой, менее древний, и так постепенно дошедшие до наших дней, пройдя процедуру многотысячелетнего испорченного телефона и почти полностью уничтоженные во времена борьбы христианства с язычеством. Тем не менее все русские сказки возникли из арийской системы образов и их глубоких эзотерических представлений о тройственном устройстве вселенной, выраженной формулой Навь – Явь – Правь... но я увлеклась, – явно не закончив мысль, вдруг пришла в себя Арина Николаевна и окидывая взором лабораторию, в которой объявились два новых, незаметно присоединившихся к Ане, слушателя. Впрочем их появление не заметила и Аня, увлеченная эпическим вдохновением СНС Царенковой, которая словно бы читала лекцию для большой аудитории. Пока Арина Николаевна увлеченно излагала версию альтернативной истории человечества, в то время не столь популярную, как в первое десятилетие 21 века, перед ее внутренним экраном пробегали какие-то апокалиптические сцены перемещения огромных человеческих масс, которые не совсем совпадали с изложением новоиспеченной Аниной коллеги. Никакими конкретными комментариями ее видение не сопровождалось, поэтому в чем именно заключалось несовпадение Аня не могла определить, это было скорее ощущение неприятия каких-то фактов, где желаемое выдавалось за действительное. Видимо поэтому, находясь в измененном состоянии сознания, она не заметила появления новых лиц нашей истории.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.